Мухаммад Инами

Правила хорошего убийства

Мухаммад Инами

Правила хорошего убийства

«Автор»
2026

Инами М.

Правила хорошего убийства / М. Инами — «Автор», 2026

Шесть писателей приезжают в старинный отель «Блэквуд-Мэнор», чтобы принять участие в необычном литературном конкурсе. Каждый должен придумать идеальное преступление, а соперники — разгадать его.Но когда владельца гостиницы находят мёртвым, вымышленные загадки перестают быть развлечением.У каждого участника есть секрет. У каждого подозреваемого — причина солгать. А улики указывают на разные версии произошедшего.Адам Уокер, администратор гостиницы, привык замечать то, что другие считают незначительным: неверное время на часах, переставленный предмет, противоречие в обычном разговоре. Теперь именно эти мелочи могут помочь раскрыть настоящее убийство.Но чем ближе разгадка, тем очевиднее становится: преступление связано с историей, которую многие предпочли бы навсегда забыть.**«Правила хорошего убийства» — детектив о тайнах прошлого, обманчивых уликах и цене молчания. Здесь каждый может оказаться подозреваемым, но лишь одна версия объяснит всё.**

© Инами М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Человек, которого не было 6
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Мухаммад Инами
Правила хорошего убийства

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человек, которого не было

В пятницу, в девять часов семнадцать минут утра, Адам Уокер обнаружил в запертой комнате труп.

Первой его мыслью было, что полиция опять потребует закрыть гостиницу.

Второй — что труп слишком аккуратно одет.

Третьей — что у него нет головы.

Адам остановился на пороге.

Посреди комнаты лежало мужское тело в тёмно-синем костюме. Правая рука была вытянута вдоль пола, левая согнута под грудью. Рядом валялась опрокинутая лампа.

Там, где должна была находиться голова, торчал короткий деревянный штырь. Адам медленно закрыл дверь.

Потом открыл снова. Тело осталось на месте.

— Луиза!

Из соседнего помещения высунулась молодая сотрудница.

— Да?

— Почему в комнате двести шесть лежит человек без головы?

Луиза посмотрела на часы.

— Уже привезли?

— Кого?

— Манекен.

— Это я понял.

Она облегчённо улыбнулась.

— А я испугалась, думала, настоящий.

Адам посмотрел на неё.

— Именно поэтому мне хотелось бы узнать, почему никто не предупредил администрацию, что в гостевом номере появится обезглавленный мужчина.

— Вчера вечером прислали обновлённый список реквизита.

— Кому?

— Мистеру Харперу.

Адам закрыл глаза. Разумеется.

Если важная информация существовала, Джеймс Харпер обязательно положил бы её в папку, которую никто не открывал.

— А голова где?

— Должна быть в коробке.

— Какой?

— С надписью «Голова».

— Очень предусмотрительно.

Луиза посмотрела через его плечо.

— А костюм настоящий?

— Надеюсь, нет. Нам ещё возвращать залог за реквизит.

Он закрыл номер и достал телефон. До приезда первого участника оставалось чуть больше двух часов.

Уже сейчас Адам подозревал, что слово «необычный» окажется самым дорогим в смете мероприятия.

«Блэквуд-Мэнор» успел побывать частным домом, семейной резиденцией и загородным отелем. Теперь он старался выглядеть старше, чем был, и современнее, чем позволяла его проводка.

В главном холле висели портреты людей, которых почти никто из нынешних сотрудников не мог назвать. Деревянная лестница скрипела в трёх местах, известных постоянным гостям.

В каминах разрешалось разжигать огонь только после проверки дымоходов. А западное крыло оставалось частично закрытым с пожара 2019 года.

Владелец гостиницы, Эдвард Блэквуд, предпочитал называть его «крылом, ожидающим реставрации». Адам за семь лет так и не выяснил, чего именно оно ожидало.

В двадцать девять лет Адам знал о гостинице почти всё: какие двери нельзя захлопывать, кому нужна подушка определённой высоты, на каких сотрудников можно положиться и какие разговоры с управляющим лучше откладывать до его утреннего кофе.

Но сегодня привычный опыт мало помогал: в гостиницу должны были приехать шесть писателей, чтобы соревноваться в придумывании убийств.

Эдвард Блэквуд, владелец гостиницы и небольшого издательства, утверждал, что придумал конкурс лично. Он часто жаловался на упадок воображения в литературе, а затем предлагал очередное публичное мероприятие. На этот раз правила выглядели достаточно заманчиво.

Каждому из шести авторов предоставляли отдельное помещение. В нём требовалось подготовить криминальную загадку — с предметами, показаниями, временем и ложными следами, — а затем дать соперникам возможность её расследовать. За верные разгадки начисляли баллы, за ошибки снимали; качество самой постановки отдельно оценивало жюри. Победителю обещали деньги и крупный издательский контракт, издательству — внимание прессы и, если повезёт, будущие бестселлеры.

В теории всё выглядело великолепно.

На практике Адам каждое утро начинал с вопросов о том, где разместить искусственную кровь, можно ли запереть человека в шкафу на десять минут и кто оплатит замену ковра, если реквизит испачкает его навсегда.

Сегодня к списку добавился труп без головы. В половине десятого в холле появился Джеймс Харпер.

Высокий, худой, безукоризненно одетый.

Он выглядел как человек, который никогда не проливал кофе на рубашку, а если всё-таки проливал, то заставлял кофе извиниться.

— Адам, у нас готова схема расселения?

— Да.

— Реквизит проверен?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— В двести шестом лежит манекен без головы.

Харпер остановился.

— Это предусмотрено постановкой.

— Отсутствие головы?

— Манекен.

— Тогда было бы полезно предусмотреть и доставку головы.

Управляющий нахмурился.

— Детали реквизита контролирует Беатрис.

— Я понимаю. Но гостиница должна знать, что именно находится в номерах, которые мы передаём гостям.

— Передаём не гостям. Участникам конкурса.

— В случае пожара пожарные вряд ли станут различать.

Харпер некоторое время смотрел на него.

— Проверьте остальные комнаты.

— Уже проверяем.

— И без лишней самодеятельности. Все изменения через меня.

Адам кивнул.

Он давно понял, что проще согласиться, чем объяснять управляющему, почему некоторые вопросы нужно решать до получения его разрешения. Харпер ушёл.

Луиза, наблюдавшая за разговором, тихо спросила:

— Он всегда такой?

— Нет.

— Правда?

— Иногда ещё хуже.

Первой возникла проблема с конкурсной комнатой номер три. Генри Уитмор, автор исторических детективов, потребовал подлинный деревянный сундук восемнадцатого века. Сундук доставили и взвесили; после этого двое грузчиков отказались поднимать его по лестнице без дополнительной оплаты.

Сам Генри ещё не приехал, зато успел позвонить трижды; в последний раз — проверить, не поцарапают ли сундук.

Адам решил проблему, выделив помещение на первом этаже. Следом выяснилось, что Элеонора Грей требует часы с механическим боем.

Не электронным. Не записанным.

Настоящим.

Потому что звук играет роль в разгадке. Часы нашли в старой гостиной.

Они отставали на семь минут и били исключительно тогда, когда считали нужным. Адам пометил, что использовать их без проверки нельзя.

Через двадцать минут техник сообщил, что часы починил.

После этого они стали спешить на четыре минуты. Адам решил, что для литературного конкурса это даже полезно.

Затем возникла проблема Оливера Рида. Точнее, его шкафа.

Шкаф стоял посреди зимнего сада. Большой, металлический, окрашенный в тёмно-зелёный цвет.

Раньше в нём хранили бухгалтерские документы. Теперь он должен был изображать архив несуществующего семейства Уиллоуби.

Вокруг находились коробки, деревянные подставки и несколько папок с искусственно состаренными обложками. Адам приехал проверить крепления полок.

Рядом уже работал Грэм, гостиничный техник.

— Он не подходит, — сказал Грэм.

— Почему?

— Внутри слишком мало места.

— Для чего?

— Для всех коробок.

Адам посмотрел на опись. Семь коробок.

Два отделения. Один выдвижной ящик.

— А где остальные?

Грэм указал на пол. Три коробки стояли рядом со шкафом.

— Организаторы прислали размеры без учёта заднего каркаса, — пояснил он. — Там дополнительная панель. Полезная глубина меньше, чем в накладной.

Адам осмотрел шкаф. За внутренней перегородкой действительно оставалось пустое пространство, закрытое съёмной панелью.

— Его нельзя просто убрать?

Грэм покачал головой.

— Панель держит декоративную конструкцию. Если снять её, коробки поместятся, но на виду окажется старая стенка. Да и устойчивость надо проверить.

— Тогда оставим часть коробок на столе.

— Я тоже так думаю.

Он закрыл дверцу. Металл глухо звякнул.

Адам сделал пометку в ведомости.

«Архивный шкаф: внутренний объём меньше заявленного; три коробки размещены отдельно. Самовольное изменение конструкции запрещено».

Адам поставил рядом с записью номер накладной и дату. Грэм подтвердил расположение коробок, прежде чем вернуться к инструментам. После прошлогоднего спора о повреждённом реквизите Адам привык фиксировать такие мелочи до начала мероприятия: иначе позднее невозможно было понять, кто и что переставил.

— Копию отправлю Беатрис, — сказал он. — Пусть у нас будут одинаковые сведения.

— Неужели из-за трёх коробок?

— Как раз из-за них. Пока всё цело, никто не считает это важным.

Ничего загадочного. Ничего опасного.

Обычная ошибка в размерах, которая обязательно возникала, когда писатели начинали заниматься мебелью.

— Кстати, — сказал Грэм, — этот шкаф должны забрать в понедельник.

— После конкурса?

— Да.

— Тогда до понедельника пусть никто его не разбирает.

Техник кивнул. Они вышли из зимнего сада.

К одиннадцати приехала Беатрис Кент.

Она вышла из автомобиля с портфелем, двумя коробками документов и выражением человека, которому сообщили, что все участники конкурса одновременно требуют переписать правила.

— Мистер Уокер?

— Да.

— Беатрис Кент. Мы переписывались.

— Разумеется.

Она пожала ему руку.

— Прекрасно. Где Эдвард?

— В кабинете.

— Он уже придумал новые условия?

— Пока нет.

— Значит, день начинается удачно.

Адам помог занести коробки.

Беатрис оказалась невысокой женщиной лет пятидесяти с внимательным взглядом и привычкой отвечать на вопрос только после того, как собеседник закончит говорить.

Эта особенность сразу расположила к ней Адама. В гостинице она встречалась редко.

— Мне нужно проверить опись всех постановок, — сказала Беатрис. — Особенно объекты, которые могут представлять опасность.

— Тогда начнём с номера двести шесть.

— Что там?

— Мужчина без головы.

Беатрис вздохнула.

— Я же просила доставить его целиком.

— Похоже, транспортная компания решила создать дополнительную загадку.

На секунду она улыбнулась.

— Надеюсь, не самую сложную за выходные.

Голову нашли в коробке с надписью «Настольные лампы». Почему она оказалась там, никто объяснить не смог.

Манекен наконец привели в надлежащий вид. Теперь он выглядел как человек, которого действительно убили.

Адам не был уверен, что это улучшение. Беатрис проверила расположение предметов.

— Дверной замок работает?

— Да.

— Карты доступа?

— Настроены по согласованному списку.

— Журнал выдачи?

— Здесь.

Она просмотрела строки.

— Хорошо.

У кровати стоял чемодан. Недалеко лежала небольшая латунная фигурка.

На полу возле комода виднелись следы от передвинутой мебели. Беатрис посмотрела на них.

— Это не должно было быть здесь.

— Следы?

— Да. Комод вчера стоял ближе к окну.

Адам открыл рабочую фотографию. На снимке действительно было видно другое положение мебели.

— Переставили во время установки освещения, — сказал он.

Беатрис нахмурилась.

— Тогда нужно вернуть.

— Сейчас?

— До приезда автора.

Она посмотрела на чемодан.

— И пусть никто больше ничего не меняет без согласования. В детективе положение предметов имеет значение.

Адам кивнул. Он распорядился вернуть комод на место.

Но следы на ковре остались. Беатрис заметила это.

— Надо их убрать.

— Попрошу сотрудников.

— Спасибо.

Она ещё раз посмотрела на манекен.

— Иногда я думаю, что литературе было бы гораздо проще без людей.

— В гостиничном деле это тоже обсуждают.

В одиннадцать сорок семь приехал первый участник.

Оливер Рид. Адам узнал его по фотографии в заявке.

Мужчина лет тридцати пяти, высокий, с немного растрёпанными волосами, в тёмном пальто и с дорожной сумкой на плече. Он остановился возле входа и посмотрел на большое старое здание.

— Великолепно, — произнёс он.

Адам вышел из-за стойки.

— Добро пожаловать в «Блэквуд-Мэнор».

— Спасибо. Здесь действительно происходили убийства?

Адам поднял глаза.

— Насколько мне известно, нет.

— Жаль.

Писатель заметил его выражение.

— Для литературной атмосферы. Не в общем смысле.

— Очень рад уточнению.

Оливер рассмеялся.

— Оливер Рид.

— Адам Уокер. Старший администратор.

Они пожали руки.

— Я читал о гостинице, — сказал Оливер. — Старинное здание, семейная история, закрытое крыло. Почти неприлично, что здесь до сих пор никто не написал хороший детектив.

— После этих выходных мы, возможно, изменим рекламный буклет.

Адам зарегистрировал его. Выдал ключ.

Объяснил расписание. Оливер слушал внимательно.

Не перебивал. Не требовал лучший номер.

Не спрашивал, можно ли принести ужин после закрытия кухни. Для участника литературного конкурса это уже делало его приятным человеком.

— Ваша постановка находится в зимнем саду, — сказал Адам.

— Мой архив?

— Да.

— Шкаф на месте?

— На месте.

— Коробки?

— Все семь. Три пришлось поставить отдельно.

Оливер нахмурился.

— Почему?

— Внутренние размеры шкафа отличаются от указанных.

— Надеюсь, это не нарушит загадку.

— Беатрис проверит.

— Тогда прекрасно.

Писатель взял ключ.

Но уходить не спешил.

— Давно здесь работаете?

— Семь лет.

— Значит, знаете почти все секреты этого дома.

Адам подумал о комнате с постоянно текущим краном, аварийном выключателе в прачечной и запасном ключе, который Харпер однажды потерял в собственном кабинете.

— Большинство секретов гораздо скучнее, чем принято считать.

— Это всегда говорят люди, которые действительно что-то знают.

Оливер улыбнулся.

— Увидимся, мистер Уокер.

— Адам.

— Тогда Оливер.

Он направился к лестнице. На середине пути остановился.

— Кстати, Адам!

— Да?

— Если завтра меня обвинят в убийстве, вы ведь подтвердите, что я приехал без оружия?

— Боюсь, список вашего багажа я не проверял.

Оливер засмеялся.

— Отличный ответ.

Он поднялся наверх. Адам вернулся к стойке.

Ему понравился этот человек. Это не было важным открытием.

Просто за утро он успел поговорить с несколькими раздражёнными поставщиками, двумя недовольными сотрудниками и одним управляющим.

После них человек, который умел шутить и слушать ответы, казался настоящим подарком.

В двенадцать пятнадцать появился Эдвард Блэквуд.

Он спустился по главной лестнице в светлом костюме и дорогих ботинках, которые совершенно не подходили для сырой октябрьской погоды. За ним шёл Харпер.

— Адам! — воскликнул владелец. — Как идут приготовления?

— По графику. Почти весь реквизит установлен.

— Почти?

— Несколько технических мелочей.

— Каких?

— Шкаф одного из участников оказался меньше, чем указано в накладной. И пришлось перенести несколько предметов.

— Ничего серьёзного?

— Нет.

— Прекрасно!

Эдвард похлопал его по плечу.

— Вы увидите, Адам. Об этом мероприятии будут говорить.

— Не сомневаюсь.

Эдвард посмотрел на часы.

— Авторы прибывают?

— Один уже заселился.

— Кто?

— Оливер Рид.

— А, молодой юморист.

— Да.

Эдвард улыбнулся.

— Хороший парень. Умеет продавать книги.

— Это, полагаю, важно для издателя.

— Исключительно важно.

Он посмотрел на холл.

— Надо бы переставить стол с программами ближе к камину.

Харпер нахмурился.

— Мы согласовали его расположение вчера.

— Я передумал.

— Эдвард, там будет проходить фотосъёмка.

— Тем лучше. Стол попадёт в кадр.

Харпер сделал вдох. Адам мысленно прибавил к списку задач ещё одну.

Эдвард собирался уйти, когда Луиза подошла к нему с телефоном.

— Мистер Блэквуд, простите. Мне звонили из больницы.

Он остановился.

— Что случилось?

— Отцу перенесли обследование. Я хотела попросить уйти завтра раньше, но…

Она замолчала. Эдвард посмотрел на неё внимательно.

— Когда вам нужно быть там?

— К трём.

— Тогда уходите к часу.

— Но конкурс…

— Конкурс переживёт отсутствие одного сотрудника.

Луиза моргнула.

— Правда?

— Разумеется. Только предупредите мистера Уокера, чтобы он изменил расписание.

— Спасибо.

Она почти выбежала из холла. Эдвард повернулся к Адаму.

— Проследите, чтобы ей не пришлось объяснять это ещё раз.

— Хорошо.

Владелец кивнул. И направился к кабинету.

Адам смотрел ему вслед. Работать с Эдвардом было трудно.

Он мог отменить недельную подготовку одним предложением. Раздражался, когда сотрудники не угадывали его желания.

Считал, что любая проблема решается достаточной уверенностью.

Но иногда делал такие вещи, после которых становилось сложно считать его просто самовлюблённым богачом.

Адам не знал, почему одни и те же люди способны проявлять такую заботу в одном случае и такую холодность в другом. И не особенно стремился выяснить это в пятницу перед большим мероприятием.

Через час в гостиницу начали прибывать остальные писатели. Элеонора Грей приехала с двумя чемоданами, коробкой книг и требованием немедленно проверить часы.

Генри Уитмор первым делом спросил о планировке западного крыла. Клэр Морган попросила тихий номер и уточнила, можно ли закрывать дверь изнутри без электронного замка.

Эмили Картер извинилась за то, что опоздала на десять минут, хотя её прибытие вообще не было назначено на точное время. Натан Брукс появился последним.

Он вошёл с телефоном в руке, разговаривая с кем-то о количестве просмотров.

— Нет, вы не понимаете, — сказал он. — Это не просто конкурс. Это совершенно другой уровень.

Он остановился у стойки.

— Одну секунду.

Затем повернулся к Адаму.

— У вас есть хорошее освещение в главном холле?

— Днём достаточно светло.

— Для видео?

— Зависит от оборудования.

Натан посмотрел на потолок.

— Ладно, разберёмся.

Он снова поднёс телефон к уху.

— Да, я уже здесь. Сейчас покажу.

Адам зарегистрировал его. Через несколько минут Натан попросил заменить номер.

Потом уточнил, можно ли поставить дополнительное зеркало. Затем спросил, где находится Эдвард.

Адам ответил, что владелец занят.

— Передайте, что я приехал.

— Конечно.

Натан посмотрел на него.

— Он знает, кто я.

— Разумеется.

Молодой писатель кивнул и пошёл к лестнице. Адам отметил в журнале ещё одно поручение.

К вечеру все шестеро писателей уже были в гостинице. После подготовительного собрания у Беатрис они разошлись проверять свои постановки.

Адам наконец получил возможность сесть. Он открыл журнал.

На первой странице значилось:

«Литературный конкурс. День подготовки».

Ниже располагался список задач. Большинство было выполнено.

Некоторые пришлось изменить. Ещё несколько появились за последний час.

Он поставил последнюю отметку. Потом услышал шаги.

Оливер Рид вернулся в холл. В руках он держал пустую папку.

— Адам, можно задать вопрос?

— Конечно.

— Если завтра участник конкурса заметит улику, которую автор сам не планировал, что тогда?

Адам задумался.

— Это нужно обсудить с Беатрис.

— Уже обсуждал. Она сказала, что решать будет жюри.

— Тогда вам повезло. Я здесь отвечаю только за двери и мебель.

Оливер улыбнулся.

— Но ведь именно из-за неправильно поставленной мебели иногда раскрывают убийства.

— Тогда я постараюсь поставить её правильно.

Писатель посмотрел на пустую папку.

— Знаете, что меня больше всего раздражает в плохих детективах?

Адам поднял глаза.

— Что?

— Когда в последней главе внезапно появляется факт, о котором читателю никто не говорил.

— И?

— И автор объявляет себя гением.

Адам улыбнулся.

— Выходит, читатель должен иметь возможность решить загадку сам?

— Именно.

Оливер задержал взгляд на папке.

— Иначе это не расследование. Это просто фокус.

Они помолчали. Потом писатель кивнул.

— Ладно. Не буду мешать.

Он направился к зимнему саду. Адам посмотрел на часы.

До сдачи запечатанных разгадок оставалось чуть больше часа. За пределами холла постепенно стихали разговоры.

В гостиной разжигали камин. На кухне готовили ужин.

Старое здание наполнялось людьми, приехавшими со своими историями. Каждый собирался доказать, что умеет прятать правду лучше остальных. Адам закрыл журнал и пошёл проверять двери.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Правила, которые можно нарушить

В ту же пятницу, за несколько часов до вечерней проверки дверей и за сорок три минуты до подготовительного собрания, Натан Брукс предпринял первую попытку обмануть соперников. Хуже всего было то, что он решил сделать соучастником гостиничную администрацию.

— Запасной ключ от двести шестого, пожалуйста, — сказал Натан Брукс так, словно просил ещё один стаканчик кофе.

Адам Уокер поднял глаза.

Молодой писатель стоял перед стойкой с телефоном в одной руке и бумажным стаканчиком кофе в другой. На нём был дорогой свитер, часы с крупным циферблатом и выражение человека, которому отказывают в совершенно естественной просьбе.

— Для чего? — спросил Адам.

— Проверить одну вещь.

— Какую?

— Это имеет отношение к конкурсу.

— Номер двести шесть закреплён за постановкой другого участника.

— Я знаю.

— Тогда вам нужно дождаться начала расследования.

Натан поставил стаканчик.

— Послушайте. Я не собираюсь ничего трогать.

— Зачем вам ключ?

— Потому что после появления остальных преимущество перестанет быть преимуществом.

— Вот поэтому ключ останется у меня.

Натан посмотрел на него.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Но завтра мы всё равно будем входить в эти комнаты.

— Завтра вы будете входить в них по правилам конкурса.

— А сейчас?

— Сейчас действует обычный порядок доступа.

Натан вздохнул.

— Вы понимаете, с кем мне придётся соревноваться? Здесь люди, которые на жизнь зарабатывают тем, что замечают чужие ошибки. Я должен использовать любое преимущество.

Адам чуть наклонил голову.

— При таком составе участников я бы начал с тех преимуществ, за которые не снимают с конкурса.

За спиной Натана раздался смех.

— Хороший совет. Жаль, что пришёл слишком поздно.

Оливер Рид стоял возле лестницы. В руках у него была тонкая папка.

Натан обернулся.

— Тебя никто не спрашивал.

— Конечно. Ждать приглашения — верный способ пропустить всё самое интересное.

— Очень смешно.

— Спасибо. Мне за это платят.

Натан забрал стаканчик.

— Ладно. Я поговорю с организаторами.

Он ушёл. Оливер проводил его взглядом.

— Он ведь действительно хотел получить ключ?

— Да.

— А вы отказали?

— Да.

— Какой жестокий человек.

— В правилах гостиницы это называется контролем доступа.

— В моих книгах за такое обычно убивают.

— Полагаю, управляющему будет достаточно жалобы.

Оливер улыбнулся, но прежде чем уйти, задержал взгляд на закрытом коридоре, ведущем к конкурсным помещениям.

— Адам, серьёзный вопрос. Если участник попытается открыть чужую комнату до начала конкурса, это будет считаться нарушением?

— Да.

— Даже если ничего не украдёт?

— Даже тогда.

— Понятно.

Он кивнул и направился в гостиную.

Адам проводил его взглядом. Писатели задавали вопросы так, словно выясняли, какое из нескольких возможных преступлений им всё-таки разрешено совершить.

В гостиной уже собрались почти все участники. Элеонора Грей сидела возле окна с чашкой чая.

На коленях у неё лежала тонкая папка. Рядом стоял Генри Уитмор и рассказывал о том, как однажды обнаружил ошибку в плане старинного особняка.

Элеонора слушала его с выражением профессиональной вежливости, за которым постепенно проступало желание кого-нибудь задушить.

— Понимаете, — говорил Генри, — архитектор указал лестницу, которой в действительности никогда не существовало.

— Поразительно.

— И сорок лет её перепечатывали, не сверившись с планом первого этажа.

— Какая трагедия.

Генри не заметил интонации.

— Именно!

За соседним столом Эмили Картер разговаривала с Клэр Морган.

— Я переписывала свою загадку шесть раз, — призналась Эмили.

— Почему?

— Каждый раз находила объяснение, которое не предусмотрела.

Клэр улыбнулась.

— Возможно, это означает, что загадка хорошая.

— Или что я недостаточно умна, чтобы её написать.

— Обычно умный человек замечает недостатки собственной работы. Это не самый приятный признак ума.

Эмили засмеялась. Оливер вошёл в гостиную и остановился возле их столика.

— Простите, здесь не обсуждают, как пережить ближайшие сутки, не опозорившись?

— Только что обсуждали, — ответила Клэр.

— Отлично. У меня накопилось несколько предложений.

Элеонора подняла глаза.

— Надеюсь, хотя бы одно из них не связано с шутками.

— Боюсь, вы будете разочарованы.

— Уже привыкла.

Оливер приложил руку к груди.

— Я всегда мечтал заслужить ваше признание.

— Начните с хорошей книги.

Эмили опустила глаза, скрывая улыбку. Генри перестал рассказывать о лестнице.

На несколько секунд в гостиной стало почти тихо. Потом Оливер сел.

— Что ж, придётся написать.

В шестнадцать двадцать Беатрис Кент объявила предварительное собрание.

Все шестеро участников перешли в библиотеку. Адам находился там, чтобы следить за организацией помещения и выдачей материалов.

Эдвард Блэквуд появился последним. Он вошёл, словно на сцену.

— Дамы и господа! Добро пожаловать!

Натан поднял телефон. Эдвард заметил это и улыбнулся.

— Надеюсь, снимаете с хорошего ракурса.

— Для подписчиков, — ответил Натан.

— Тем лучше.

Эдвард остановился перед большим столом. На нём лежали шесть папок.

Рядом — запечатанные конверты.

Беатрис дождалась, пока все сядут.

— Прежде чем мы начнём, необходимо ещё раз подтвердить правила.

Эдвард кивнул.

— Разумеется.

Беатрис открыла первый документ.

— Каждый участник подготовил одну инсценированную детективную загадку. Сцены находятся в разных помещениях гостиницы. Завтра участники будут проходить их в соответствии с утверждённым расписанием.

Она посмотрела на Натана.

— Автор не имеет права изменять чужую постановку.

Тот развёл руками.

— Я ничего не изменял.

— Я пока не говорила, что изменяли.

Оливер тихо кашлянул.

Беатрис продолжила:

— Запрещено самостоятельно посещать конкурсные помещения до назначенного времени, получать доступ к закрытым материалам, изменять записи свидетелей, перемещать реквизит и вмешиваться в техническую подготовку.

Элеонора подняла руку.

— Вопрос.

— Да?

— Допустим, участник случайно увидел часть чужой постановки во время обычного перемещения по гостинице. Что тогда?

— Он обязан сообщить организаторам.

— А если увиденное имеет отношение к разгадке?

— Жюри определит, требуется ли изменить условия или начисление баллов.

Элеонора нахмурилась.

— Значит, оценка будет зависеть от решения жюри уже после того, как участник увидит разгадку?

— Мы обязаны оценить обстоятельства, которые невозможно перечислить заранее. Решение будет зафиксировано.

— Мне не нравится такой подход.

Беатрис спокойно посмотрела на неё.

— Вы можете предложить другой, который будет учитывать все непредвиденные ситуации.

Элеонора помолчала.

— Я подумаю.

— Прекрасно.

Натан поднял руку.

— А если участник нашёл правильное решение, но не может его доказать?

— Он должен изложить свою версию и основания.

— Иногда правильный ответ очевиден. Неужели за это тоже будут штрафовать?

— За правильный ответ баллы дают не отдельно от обоснования. Объяснение обязательно.

Оливер наклонился к Эмили.

— Половина моих литературных героев сейчас потеряла работу.

Она улыбнулась. Беатрис открыла следующую страницу.

— Теперь о системе оценивания.

Каждый участник должен был пройти чужие постановки, изучить доступные материалы и представить письменные ответы. За правильно названного виновного начислялись баллы.

За объяснение способа преступления — дополнительные.

За выявление ложных предположений свидетелей — отдельные.

Наибольшую ценность имело объяснение, которое учитывало все существенные улики без необходимости придумывать отсутствующие события.

— А если автор сам допустил ошибку? — спросила Клэр.

Беатрис посмотрела на неё.

— Тогда оценка его постановки снижается.

— Даже если участники не заметили?

— Если ошибка будет установлена при проверке.

Эдвард вмешался:

— Именно поэтому мы пригласили профессионалов. Здесь недостаточно просто придумать убийство. Нужно придумать такое, которое выдержит расследование.

— А что будет, если никто не решит загадку? — спросила Эмили.

Эдвард улыбнулся.

— Тогда автор получит заслуженное удовольствие.

— Или окажется, что загадка нечестная, — заметила Элеонора.

— Поэтому у нас есть Беатрис.

Редактор не улыбнулась.

— Именно поэтому у нас есть правила.

Настоящий спор начался, когда дошли до авторских разгадок. Беатрис указала на конверты.

— До двадцати часов сегодняшнего дня каждый автор должен передать окончательное решение своей загадки в запечатанном виде.

— Зачем так рано? — спросил Натан.

— Чтобы исключить возможность изменить ответ после того, как участники начнут расследование.

— Но завтра может обнаружиться ошибка в постановке.

— Тогда её придётся исправлять открыто, через организаторов, с фиксацией изменения. Само решение останется прежним.

Элеонора кивнула.

Впервые за собрание она выглядела довольной.

— Это разумно.

— Благодарю.

Оливер поднял руку.

— А если автор сам поймёт, что его разгадка хуже альтернативного решения, предложенного участником?

— Это будет означать, что участник обнаружил недостаток авторского замысла.

— И получит баллы?

— Если версия обоснована.

— А автор потеряет?

— Возможно.

Оливер задумался.

— Теперь мне ещё страшнее.

Эмили тихо рассмеялась. Натан посмотрел на конверты.

— Получается, нельзя изменить даже одну фразу?

— После сдачи — нет.

— Ни при каких обстоятельствах?

— В порядке обычного конкурса — нет.

Беатрис сделала паузу.

— Поэтому перечитайте решение перед тем, как запечатать.

Адам поднял руку.

— Уточню для администрации. Если во время конкурса кто-нибудь попросит перенести шкаф или заменить предмет, по какому документу нам проверять, что изменилось?

— По исходной описи и отдельной отметке об изменении, — ответила Беатрис. — Не по памяти автора.

— Значит, одной устной просьбы недостаточно?

— Недостаточно. Даже если попросит сам участник.

Натан усмехнулся:

— Вы собираетесь расследовать каждую переставленную чашку?

— Только ту, — ответил Адам, — за которую потом заставят отвечать гостиницу.

Беатрис сделала пометку на полях расписания. Папка с гостиничными ведомостями оставалась у администрации; конкурсные решения хранились у организаторов. Адам был этому рад. Чем меньше у него было доступа к чужим секретам, тем легче было отвечать за свои ключи.

На последних словах она посмотрела на всех по очереди. Эдвард поднялся.

— Превосходно. Теперь предлагаю перейти к подготовке.

Первая серьёзная проблема возникла через двадцать минут. Адам находился возле комнаты двести шесть, когда услышал стук.

Потом ещё один. Он повернул за угол.

Натан стоял перед дверью, прижимая телефон к уху. Увидев администратора, быстро опустил руку.

— Я не заходил.

Адам остановился.

— Я пока не спрашивал.

— Просто проверял, где находится помещение.

— Оно отмечено на плане.

— Планы бывают неточными.

Адам посмотрел на дверь. Замок оставался закрытым.

Но на ручке висела тонкая бумажная полоска, которую Беатрис прикрепила после проверки комнаты. Полоска была надорвана.

Адам почувствовал раздражение.

— Вы пытались открыть дверь?

Натан посмотрел на полоску.

— Нет.

— Она повреждена.

— Возможно, кто-то сделал это до меня.

— Возможно.

Адам достал телефон и сфотографировал полоску вместе с номером двери. Затем связался с Беатрис.

— У нас возможное нарушение доступа к конкурсному помещению, — сказал он.

Натан резко повернулся.

— Вы серьёзно собираетесь устраивать скандал из-за бумажки?

Адам не ответил.

— Я даже не вошёл!

— Тогда организаторы смогут это установить.

— Да никто ничего не установит!

Из-за поворота показалась Эмили. Она остановилась, увидев Натана возле своей комнаты.

— Что здесь происходит?

Натан выпрямился.

— Ничего.

Эмили посмотрела на повреждённую полоску. Потом на Адама.

— Кто трогал дверь?

— Сейчас проверяем, — ответил он.

Она перевела взгляд на Натана.

— Вы пытались войти?

— Нет.

— Это моя постановка.

— Я знаю.

— Тогда почему вы здесь?

Натан раздражённо вздохнул.

— Потому что ищу свою комнату.

— Ваша на другом этаже.

— Спасибо за информацию.

Эмили побледнела.

— Если вы увидели что-то внутри…

— Я ничего не видел!

Он повысил голос настолько, что в конце коридора открылась дверь. Появилась Элеонора.

— Что случилось?

Натан обернулся.

— Ничего!

Элеонора посмотрела на него.

— Поразительно громкое ничего.

Беатрис пришла вместе с Харпером. Осмотрела полоску.

Затем проверила замок.

— Дверь была открыта? — спросила она.

Адам ответил:

— Когда я подошёл, была закрыта. О том, открывалась ли раньше, мне неизвестно.

Беатрис повернулась к Натану.

— Вы касались ручки?

Он молчал.

— Мистер Брукс?

— Да.

Эмили посмотрела на него.

— Вы только что сказали, что не пытались войти.

— Я сказал, что не вошёл.

— Вы сказали, что не трогали дверь.

— Я не помню точных слов!

Беатрис подняла руку.

— Достаточно.

Она повернулась к Адаму.

— Камера в коридоре есть?

— Нет. Только в холле и на главной лестнице.

— Кто-то видел его у двери до вас?

— Пока неизвестно.

Беатрис задумалась.

— Мы не можем утверждать, что он получил доступ к содержимому комнаты.

— Конечно, не можете, — резко сказал Натан.

— Но мы можем утверждать, что вы нарушили правило о запрете вмешательства в подготовленную постановку.

Натан открыл рот.

Беатрис продолжила:

— Сейчас вы покинете этот коридор. Если выяснится, что вы открывали помещение или получили сведения о его содержимом, последуют дополнительные санкции.

— Какие?

— Вплоть до дисквалификации.

На секунду Натан растерялся.

— Вы шутите?

— Нет.

Эдвард, привлечённый шумом, появился в конце коридора.

— Что происходит?

Беатрис кратко объяснила. Владелец выслушал.

Посмотрел на Натана.

— Правила для всех одинаковые.

— Я ничего не сделал!

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

— Но вы не можете угрожать мне дисквалификацией из-за того, что я взялся за ручку!

Эдвард посмотрел на него.

— Мистер Брукс, если вы хотите победить, начните с того, что научитесь проигрывать несколько минут ожидания.

Натан побагровел.

— Вы все просто ждёте, когда я ошибусь.

Элеонора скрестила руки.

— Пока вам прекрасно удаётся справляться без нашей помощи.

Натан резко повернулся к ней.

— Знаете, что? Я хотя бы продаю книги, которые люди действительно читают.

Элеонора медленно подняла голову.

— Повторите.

Адам увидел, как Эмили отступила на шаг. Беатрис вмешалась прежде, чем спор перешёл в откровенные оскорбления.

— На этом всё. Мистер Брукс, прошу вас покинуть коридор.

Натан посмотрел на Эдварда. Потом на Элеонору.

Убрал телефон. И ушёл.

Адам ожидал, что на этом проблема закончится.

Но через несколько минут Эмили вернулась к нему. Она стояла возле стойки и держала собственную папку обеими руками.

— Мистер Уокер, можно попросить вас кое о чём?

— Конечно.

— Мне необходимо проверить, что в комнате ничего не изменилось.

— Это нужно согласовать с Беатрис.

— Я понимаю.

Она посмотрела на него.

— Просто вся моя загадка построена на мелочах.

— Я знаю.

— Если кто-нибудь передвинул один предмет, участники могут сделать совершенно другой вывод.

— Тогда лучше проверить всё сейчас.

Он связался с Беатрис. Получив разрешение, они вместе направились к номеру.

Эмили вошла первой. Осмотрела манекен.

Чемодан. Комод.

Латунную фигурку. Затем остановилась возле кровати.

— Здесь всё на месте.

Адам стоял у двери.

— Хорошо.

Она подошла к чемодану. Не открывая его, проверила положение ручки.

Потом посмотрела на ковёр.

— А вот это странно.

Адам поднял глаза.

— Что?

— Следы возле комода.

— Его вчера передвигали при установке освещения.

— Я просила вернуть.

— Вернули.

Эмили нахмурилась.

— Но следы остались.

Адам посмотрел на ковёр. Две неглубокие полосы действительно показывали прежнее положение мебели.

— Можем пригласить уборку, — сказал он.

Эмили медленно покачала головой.

— Нет.

Он удивился.

— Почему?

Она присела на корточки. Посмотрела на полосы.

Потом на чемодан.

— Оставьте.

— Вы уверены?

Эмили поднялась. На её лице появилась странная улыбка.

Не радостная. Скорее заинтересованная.

— Да.

— Но вы говорили, что положение мебели имеет значение.

— Имеет.

Она снова посмотрела на следы.

— Только иногда совершенно не то, которое предполагаешь сначала.

Адам не стал спрашивать. Эмили закрыла папку.

— Спасибо, мистер Уокер.

Они вышли.

Беатрис получила подтверждение, что постановка не повреждена и автор согласовал её текущее состояние. Повреждённую контрольную полоску заменили; инцидент занесли в журнал.

Эмили направилась к лестнице. Она выглядела уже не встревоженной.

Адам проводил её взглядом.

Возможно, Натан действительно ничего не увидел.

Но сама его попытка вмешаться неожиданно помогла Эмили заметить кое-что в собственной загадке. И Адам не был уверен, хорошо это или плохо.

В половине пятого Эдвард собрал организаторов. Натан на встречу не пришёл.

— Мы не можем позволить участникам превращать соревнование в скандал, — сказал владелец.

Беатрис положила перед ним журнал нарушения.

— Пока у нас один установленный факт: Натан касался ручки чужого помещения до разрешённого времени. Данных о проникновении нет.

— Значит, выносить предупреждение.

— Уже вынесено.

Эдвард кивнул.

— Отлично.

Харпер нахмурился.

— Возможно, лучше ограничить доступ ко всему второму этажу.

Адам посмотрел на него.

— Там живут обычные гости.

— Тогда перенаправить их.

— Без предупреждения?

— На несколько часов.

— Это создаст проблемы.

Харпер раздражённо выдохнул.

— У вас на всё находятся возражения.

Беатрис вмешалась:

— Нам не требуется закрывать этаж. Достаточно сохранить контроль доступа к конкурсным помещениям и провести повторный осмотр перед началом.

— Именно это я и предлагаю.

Эдвард посмотрел на всех.

— Тогда так и сделаем.

Харпер промолчал. Встреча закончилась.

Когда остальные ушли, Эдвард остановил Адама.

— Хорошо сработали.

— Спасибо.

— Но в следующий раз сначала сообщайте управляющему.

Адам посмотрел на него.

— Если нарушение происходит прямо сейчас, мне нужно прежде всего сохранить обстановку и уведомить организаторов.

Эдвард задумался.

— Разумно.

Он улыбнулся.

— Только не говорите Джеймсу, что я с вами согласился.

И ушёл.

К вечеру напряжение в гостинице заметно выросло.

Натан перестал появляться в общей гостиной. Элеонора обсуждала происшествие с Генри.

Клэр наблюдала за остальными с любопытством человека, который невольно оказался среди персонажей собственной книги. Оливер устроился возле камина.

Когда Адам проходил мимо, он подозвал его.

— Адам, можно спросить?

— Конечно.

— Что будет, если завтра кто-нибудь действительно раскроет чужую загадку ещё до начала?

— Не знаю. Это решит жюри.

Оливер кивнул.

— Понимаю.

Он посмотрел на дверь.

— Бедный Натан.

Адам удивился.

— Вы его жалеете?

— Немного.

— Почему?

Оливер задумался.

— Он приехал сюда доказать, что умнее всех.

— И?

— Теперь все только и ждут, когда он снова ошибётся.

Адам посмотрел на него.

— Он сам нарушил правила.

— Конечно.

Оливер помолчал.

— Но иногда человек делает глупость не потому, что хочет обмануть остальных.

— А почему?

— Потому что ему невыносимо представить, что он окажется хуже них.

Адам задумался. В словах Оливера было что-то неожиданно серьёзное.

— Вы хорошо его знаете?

— Нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

Оливер улыбнулся.

— Я писатель. Нам платят за то, чтобы придумывать объяснения чужим поступкам.

Адам усмехнулся.

— И часто ошибаетесь?

— Постоянно.

Оливер поднял чашку.

— Просто в книгах об этом обычно узнают ближе к концу.

Без четверти восемь Беатрис начала принимать авторские разгадки. Первой пришла Элеонора.

Она передала запечатанный конверт с собственным именем. Проверила номер.

Подписала журнал.

— Надеюсь, вы не позволите никому заглянуть внутрь раньше времени.

— Не позволю, — ответила Беатрис.

— Даже Эдварду?

— Даже Эдварду.

Элеонора удовлетворённо кивнула. Следом появился Генри.

Его конверт оказался настолько толстым, что Беатрис пришлось попросить другую папку для хранения.

— Там приложения, — объяснил он.

— Сколько?

— Двенадцать.

Беатрис закрыла глаза.

— Мистер Уитмор, мы договаривались о краткой разгадке.

— Это краткая.

Она не стала спорить. Клэр принесла тонкий конверт.

Эмили — аккуратно подписанный пакет с двумя вложениями.

Натан появился почти в восемь. Он выглядел раздражённым.

Передал свою разгадку. Подписал журнал.

Не произнёс ни слова. Последним пришёл Оливер.

Он держал конверт в одной руке.

В другой — ручку.

— Простите, я опоздал?

Беатрис посмотрела на часы.

— Без трёх минут восемь.

— Значит, успел.

Он положил конверт на стол. Адам, помогавший сверять номера, заметил, что писатель не сразу отпустил его.

Оливер несколько секунд смотрел на собственную подпись. Затем отодвинул конверт.

— Всё.

Беатрис проверила целостность.

— Авторская разгадка окончательная?

— Да.

— Изменений больше не будет?

— Не будет.

Она присвоила конверту номер и внесла запись. Оливер расписался.

— Что-нибудь ещё? — спросил он.

— Нет.

Он кивнул. Пошёл к двери.

Но остановился.

— Миссис Кент.

— Да?

— Если во время конкурса выяснится, что человек, которого все считают виновным, на самом деле ни в чём не виноват…

Беатрис подняла глаза.

— Это ведь обычная основа детективного сюжета.

Оливер улыбнулся.

— Верно.

— И что вы хотели спросить?

Он немного помолчал.

— Ничего. Забудьте.

Беатрис нахмурилась.

— Мистер Рид, вы уверены, что ваша разгадка завершена?

— Абсолютно.

Он вышел. Адам посмотрел на закрытую дверь.

— Странный вопрос.

Беатрис убрала конверт.

— Писатели любят задавать странные вопросы.

— Это я уже заметил.

Она заперла ящик.

— Самое неприятное начинается, когда они пытаются самостоятельно на них ответить.

В восемь часов все шесть конвертов находились в запертом шкафу организаторов.

Беатрис проверила пломбы. Адам сверил номера с журналом.

Никаких пропусков. Никаких лишних документов.

Эдвард Блэквуд пришёл через несколько минут.

— Всё готово?

— Да, — ответила Беатрис.

— Замечательно.

Он посмотрел на шкаф.

— Признаться, очень хочется заглянуть.

— Завтра вечером.

Эдвард рассмеялся.

— Вы всегда были строги.

— Поэтому вы меня и наняли.

Владелец кивнул.

— Справедливо.

Он направился к выходу.

Но перед дверью остановился.

— Беатрис, после конкурса принесите мне все авторские решения. Я хочу лично ознакомиться с каждым.

— Разумеется.

— Особенно с теми, которые участники не смогут разгадать.

Она кивнула.

— Хорошо.

Эдвард ушёл. Адам посмотрел на запертый шкаф.

Шесть конвертов. Шесть придуманных преступлений.

Шесть решений, которые пока знал только каждый автор. Завтра все они должны были стать частью развлечения.

И ни у кого не было причин думать, что один из этих текстов способен вызвать нечто гораздо серьёзнее литературного спора. Поздно вечером Адам закончил последнюю проверку помещений.

Двери были закрыты. Реквизит стоял на местах.

Сотрудники получили инструкции. На втором этаже стало тихо.

Он прошёл мимо номера двести шесть. Контрольная полоска на двери оставалась целой.

Внизу слышался смех. Кто-то из писателей рассказывал историю.

Адам спустился по лестнице. У камина сидели Оливер, Эмили и Клэр.

Натан стоял у окна с телефоном. Элеонора разговаривала с Беатрис.

Генри изучал старый план гостиницы, который нашёл в рекламном буклете. Всё выглядело почти уютно.

Шесть человек. Старинная гостиница.

Соревнование, победитель которого получит деньги, признание и издательский контракт. Адам посмотрел на них.

Потом на часы. До начала конкурсных расследований оставалось чуть больше двенадцати часов.

Он выключил свет в пустом административном коридоре и вернулся к стойке. В гостинице наконец наступал спокойный вечер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дверь, которую никто не открывал

В субботу в девять часов две минуты из номера 206 донёсся женский крик. Этажом ниже Адам отложил список завтраков и направился к лестнице. На третьей ступени крик повторился — громче и отчётливее.

— Помогите! Здесь человек!

Адам побежал. На площадке второго этажа он едва не столкнулся с Натаном Бруксом.

Тот держал телефон перед собой.

— Вы слышали? — спросил Натан.

— Да.

— Это часть постановки?

— Надеюсь.

Адам обогнал его. Дверь номера 206 была распахнута.

На пороге стояла женщина в светлом пальто. Одной рукой она держалась за косяк, другой указывала внутрь.

— Он мёртв!

На полу между кроватью и комодом лежал мужчина в тёмно-синем костюме. На этот раз с головой.

Адам остановился.

Женщина обернулась к нему и вдруг совершенно спокойным голосом спросила:

— Я достаточно громко кричала?

Адам посмотрел на неё.

— Более чем.

— Хорошо. Беатрис просила не переигрывать.

Адам медленно выдохнул. За его спиной рассмеялся Натан.

— Господи, как натурально!

Женщина поправила пальто.

— Спасибо. Я шесть лет играла в провинциальном театре.

Из комнаты вышла Эмили Картер.

— Прекрасно, Джейн. Только на следующем проходе не говори «он мёртв» дважды. Один раз достаточно.

— Хорошо.

Эмили заметила Адама.

— Простите. Мы не должны были начинать до официального сигнала.

— Тогда почему начали?

— Проверяли звук.

Адам посмотрел на актрису.

— Звук работает.

Из коридора появилась Беатрис Кент.

— Что произошло?

Эмили открыла рот.

Но Адам ответил первым:

— У нас успешно проверили, насколько быстро администрация реагирует на сообщение об убийстве.

Беатрис закрыла глаза.

— Я просила не проводить репетицию крика после девяти.

— Я забыла, — призналась Эмили.

— Все вниз. Сейчас.

Натан продолжал улыбаться. Адам же смотрел на распахнутую дверь.

Ещё вчера её охраняла бумажная контрольная полоска. Сегодня за ней находилась первая загадка конкурса.

И судя по тому, как тщательно Эмили следила за расположением предметов, ошибка здесь могла оказаться важнее настоящего крика. В половине десятого все шестеро участников собрались в библиотеке.

Беатрис стояла перед большой доской. Рядом находился Эдвард Блэквуд.

На доске были закреплены шесть карточек с названиями постановок.

«Последний посетитель».

«Архив Уиллоуби».

«Ключ, который ничего не открывал».

Остальные три названия пока скрывали картонные полоски.

— Дамы и господа, — начал Эдвард, — сегодня вы получите возможность сделать то, что всю жизнь заставляете делать своих читателей.

Оливер поднял руку.

— Купить книгу по завышенной цене?

Эмили прыснула. Эдвард улыбнулся.

— Нет. Ошибиться в расследовании.

— А, это мы умеем.

Беатрис взяла слово прежде, чем разговор окончательно превратился в выступление Оливера.

— Конкурс начинается с постановки Эмили Картер. Каждый участник получит одинаковый набор исходных материалов. После первого осмотра вы сможете задавать вопросы свидетелям в пределах установленных правил.

Она раздала папки.

— У вас будет сорок пять минут.

Натан поднял глаза.

— Всего?

— Да.

— Для полноценного расследования?

— Для конкурсной задачи.

Элеонора открыла папку.

— Если загадка построена честно, сорока пяти минут достаточно.

— Посмотрим, — сказал Натан.

Беатрис повернула карточку.

На ней значилось:

КОМНАТА 206. ЛАЙОНЕЛ БЁРК.

— Начинаем.

Лайонел Бёрк был богатым коллекционером.

По условиям постановки он приехал в гостиницу, чтобы продать редкую рукопись, но перед встречей с покупателем был найден мёртвым. На первый взгляд всё указывало на простое преступление.

У Бёрка был конфликт с деловым партнёром Мартином. Племянница Джейн имела доступ к запасной карте номера.

Портье Нил доставил чемодан незадолго до обнаружения тела. На прикроватном столике лежала латунная фигурка, которой, согласно условной медицинской справке, могли нанести удар.

Но уже в первой странице материалов находилось странное обстоятельство. В журнале выдачи ключей было указано, что запасную карту получила Джейн.

Вторая запись подтверждала, что основная карта оставалась у самого Бёрка.

Третья — что служебную карту проверяли во время утреннего обхода.

Следователи в вымышленной истории сделали вывод: кроме Бёрка, в комнату могла попасть только его племянница.

— Это неверно, — сказал Оливер, едва прочитав страницу.

Натан посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что список людей, получивших карты, не совпадает со списком людей, способных войти.

— Ты даже комнату ещё не видел.

— Именно поэтому я пока не говорю, кто убийца.

Элеонора перевернула страницу.

— Замечание справедливое. Но довольно очевидное.

Генри нахмурился.

— Здесь не указано, существовал ли дополнительный служебный комплект.

— Указано, — ответила Клэр. — На второй странице. Пломбированный резерв гостиницы.

Она показала строку. Натан забрал свою папку.

— Ладно. Посмотрим, что у нас внутри.

В комнату участников запускали по двое. Сначала вошли Элеонора и Генри.

Остальные ожидали в коридоре, где Беатрис разместила стол с копиями показаний. Адам находился неподалёку.

Его задача заключалась в том, чтобы после каждого осмотра проверять, не переместили ли участники предметы.

На внутренней стороне папки Адам написал два слова: «видел» и «со слов». Все предметы, положение которых он проверил сам, попадали в первую графу. Пояснения участников — во вторую. Спустя час он уже дважды обнаружил, что эти категории пытаются смешать.

Это было неудобно для быстрого отчёта. Зато позволяло не обвинить человека только потому, что кто-то уверенно вспомнил несуществующую подробность.

Эмили настояла на этом ещё накануне.

— Если кто-нибудь случайно подвинет чемодан, — сказала она, — следующий участник получит другую загадку.

Адам согласился. Теперь он начинал понимать почему.

В комнате было немного вещей.

Но почти каждая привлекала внимание. Манекен лежал возле кровати.

Рядом — опрокинутая лампа.

На комоде стояла коробка для документов. Недалеко от двери находился чемодан.

Латунная фигурка лежала на ковре. На полу возле комода сохранялись едва заметные следы от передвинутой мебели.

Адам наблюдал, как Элеонора ходит по комнате. Она ничего не трогала.

Просто смотрела.

— Почему чемодан стоит именно здесь? — спросила она у актёра-портье.

— Я оставил его возле двери, мадам.

— Вы вошли внутрь?

— Нет.

— Тогда почему он оказался почти у комода?

Актёр пожал плечами.

— Возможно, мистер Бёрк передвинул.

Элеонора посмотрела на чемодан.

— Возможно.

Генри присел возле ковра.

— Здесь мебель передвигали.

— Да, — ответила Эмили.

— Когда?

— Это предстоит установить.

Он поднял глаза.

— Но вы подтверждаете, что следы имеют отношение к постановке?

Беатрис вмешалась:

— Авторы не обязаны подтверждать значение каждой детали. Вы можете использовать любые наблюдаемые обстоятельства, но должны учитывать возможность случайных следов подготовки.

Генри недовольно выпрямился. Элеонора тем временем изучала лампу.

— Интересно.

— Что? — спросил Генри.

— Пока не знаю.

Сорок пять минут обещали оказаться длиннее, чем предполагал Эдвард. Следующими вошли Оливер и Клэр.

Оливер остановился на пороге. Посмотрел на тело.

Затем на чемодан.

— Бедный человек, — сказал он. — Даже в смерти ему не дали нормально распаковать вещи.

Клэр не улыбнулась. Она подошла к письменному столу.

Там лежало письмо. В нём Бёрк сообщал деловому партнёру, что собирается расторгнуть соглашение о продаже рукописи.

— Мотив, — сказала Клэр.

— Один из, — ответил Оливер.

Она показала письмо.

— Мартин мог потерять большие деньги.

— И племянница тоже могла потерять наследство.
— Портье?
Оливер посмотрел на чемодан.
— А вот портье пока неясен.
Клэр повернулась к актёру, исполнявшему Нила.
— Когда вы доставили чемодан?
— В семнадцать сорок.
— Откуда знаете время?
— Посмотрел на часы в коридоре.
— Вы уверены, что часы показывали правильно?
Нил задумался.
— Я не проверял.
Оливер улыбнулся.
— Отличное начало.
Клэр продолжила:
— Вы сказали, что не входили в комнату.
— Да.
— Но в показаниях написано, что мистер Бёрк поблагодарил вас.
— Верно.
— Как?
— Сказал: «Спасибо, Нил».
— Из комнаты?
— Да.
Клэр посмотрела на Оливера. Тот медленно перестал улыбаться.
— Погодите, — сказал он. — Дверь была открыта или закрыта?
— Приоткрыта.
— Насколько?
Нил развёл руками.
— Немного.
— Вы видели Бёрка?
— Нет.
— Тогда вы не знаете, кто говорил.
Актёр помолчал.
— Я слышал его голос.
— Вы раньше с ним разговаривали?
— Один раз, когда он заселялся.
— Достаточно, чтобы уверенно узнать голос?
Нил не ответил. Беатрис сделала пометку.
Оливер посмотрел на Клэр.
— Вот теперь интереснее.
Натан и Эмили должны были находиться в разных частях здания.

Но когда подошла очередь последней пары участников, Натан уже стоял возле комнаты 206. Его напарницей стала Клэр, поскольку порядок осмотра пришлось немного изменить после утренней задержки.

Беатрис открыла дверь.
— У вас осталось десять минут на первичный осмотр.
Натан вошёл первым. Он быстро посмотрел на манекен.
На латунную фигурку. На чемодан.
Затем направился к столу.

— Можно открыть ящик?
— Да, если он указан как доступный для осмотра, — сказала Беатрис.
Натан открыл. Внутри лежала папка с выписками.
Он пролистал её. Потом внезапно остановился.
— Вот.
Клэр подняла глаза.
— Что?
— Смотрите.
Он показал ей страницу.
Внизу значилась запись:
«17:29 — мастер-карта М4. Выдана сотруднику технической службы».
Клэр нахмурилась.
— Этого не было в копии журнала, которую нам раздали.
Натан улыбнулся.
— Значит, кто-то скрывает доступ.
Беатрис подошла ближе. Посмотрела на страницу.
И перестала улыбаться.
— Мистер Брукс.
— Да?
— Положите документ на стол.
Натан удивился.
— Почему?
— Сейчас.
Он медленно опустил папку. Беатрис посмотрела на лист.
Потом на Натана.
— Откуда появилась эта строка?
— В каком смысле?
— Вчера её здесь не было.
Клэр отступила на шаг. Натан развёл руками.
— Может, вы плохо проверили?
Беатрис не ответила. Она достала телефон.
— Мистер Уокер, подойдите, пожалуйста, к номеру двести шесть.
Адам появился через минуту. Беатрис показала ему страницу.
— Вы помните этот журнал?
— Да.
— Когда вы последний раз проверяли его содержимое?
— Вчера вечером. При повторной сверке реквизита.
— Такая запись была?
Адам посмотрел на строку.
— Нет.
— Вы уверены?
— Да. В журнале было три записи.
Натан громко выдохнул.
— Ну конечно!
Адам не отреагировал. Беатрис попросила его открыть служебный каталог фотографий.
Он нашёл снимок, сделанный до закрытия постановки. На фотографии журнал лежал на столе.
Все три записи были видны. Четвёртой не существовало.
Беатрис положила телефон рядом с листом.

— Мистер Брукс, объясните.

Натан смотрел на изображение. Несколько секунд молчал.

Затем сказал:

— Это ничего не доказывает.

— Доказывает, что строка появилась после фотографирования.

— Кто угодно мог её добавить!

— Да, — спокойно сказала Беатрис. — Поэтому мы выясняем кто.

Она посмотрела на Адама.

— Вчерашнее нарушение доступа было зарегистрировано?

— Да.

— Контрольная полоска повреждена?

— Да.

— Мистер Брукс признал, что касался ручки?

— Да.

Натан побледнел.

— Вы не можете связывать эти вещи!

Беатрис кивнула.

— Не можем без дополнительных оснований.

Она повернулась к Клэр.

— Вы видели, чтобы мистер Брукс что-нибудь писал на странице?

— Нет.

— Хорошо.

Натан выдохнул.

Но Беатрис продолжила:

— И всё же сейчас мы обязаны приостановить его участие до завершения проверки.

— Что?!

— Вы слышали.

— Это абсурд!

Он резко шагнул к столу. Адам встал между ним и реквизитом.

— Не трогайте документы.

Натан остановился.

— Отойдите.

— Пожалуйста, выйдите из комнаты.

— Это мой конкурс!

— Нет, — сказала Беатрис. — Это конкурс, в котором участвуют шесть авторов. И правила одинаковы для всех.

Натан посмотрел на неё.

— Вы пожалеете.

Беатрис даже не моргнула.

— Возможно. Но сейчас выйдите.

Он резко повернулся. Вышел в коридор.

И захлопнул дверь так сильно, что со стены упала небольшая табличка. На несколько секунд все замолчали.

Адам поднял табличку. Посмотрел на крепление.

Сломалось. Ещё одно поручение для технической службы.

Через двадцать минут Беатрис получила дополнительный материал.

Его предоставил сам Натан. Точнее, он не подозревал, что предоставил его.

Утром, пытаясь снять видео для подписчиков, Натан несколько раз направлял телефон на себя и коридор. На одном из коротких роликов, снятом возле двери номера 206, отражение в стеклянной раме показывало его руку.

Он держал тонкий лист бумаги. Позже выяснилось, что это была копия журнала.

Не оригинал.

Именно поэтому изменение могло оказаться незаметным: он подготовил дополнительную строку заранее и попытался подменить один из рабочих листов.

Но подмена была выполнена неидеально. В папке оставалась первоначальная версия.

А лист с добавленной записью отличался по положению нижнего поля. Беатрис показала оба листа Эдварду.

Тот внимательно изучил их.

— Он сам выложил это видео?

— Да.

— Потрясающе.

Эдвард посмотрел на Беатрис.

— Решение?

— Дисквалификация. У нас есть нарушение, подтверждённое материалами подготовки и его собственной записью. Мистеру Бруксу предоставим возможность дать объяснение, но конкурс продолжится без него.

Эдвард кивнул.

— Согласен.

Беатрис посмотрела на дверь.

— Вы хотите сообщить ему лично?

— Да.

Она вздохнула.

— Тогда я буду присутствовать.

Натан ждал в малой гостиной. Когда вошли Эдвард и Беатрис, он поднялся.

— Ну?

Эдвард закрыл дверь.

— Мистер Брукс, жюри приняло решение исключить вас из соревнования.

Натан побледнел.

— Вы не можете.

— Можем.

— Это была просто игра!

Эдвард посмотрел на него.

— Именно. И даже в игре существуют правила.

— Я ничего не украл!

— Вы попытались изменить чужую загадку.

Натан молчал.

Эдвард продолжил:

— Вы приехали доказать, что способны победить лучших авторов детективов. Но вместо этого решили, что вам позволено исправить чужие доказательства.

— Я хотел показать, что её загадка слабая!

— Тогда нужно было найти слабость в ней самой.

Натан посмотрел на него с ненавистью.

— Вы всегда считали, что я не настоящий писатель.

Эдвард нахмурился.

— Я никогда этого не говорил.

— Не обязательно произносить вслух.

Он отвернулся.

— У вас нет права унижать меня перед всеми.

— Решение будет сообщено без обсуждения ваших личных обстоятельств, — сказала Беатрис.

Натан резко рассмеялся.

— Очень благородно.

Он взял телефон.

— Я хочу поговорить с вами отдельно.

Эдвард посмотрел на него.

— О чём?

— О наших договорах.

Беатрис подняла глаза. Эдвард помолчал.

— Не сейчас.

— Тогда вечером.

— Мой кабинет открыт для деловых вопросов по предварительной договорённости.

Натан шагнул ближе.

— Вы понимаете, о каких бумагах идёт речь.

Эдвард изменился в лице. Совсем немного.

Но Беатрис заметила.

— Мистер Брукс, — сказала она, — сейчас лучше закончить разговор.

Натан посмотрел на неё. Затем на Эдварда.

— Я ещё вернусь к этому вопросу.

Он вышел.

Дверь закрылась.

Эдвард некоторое время смотрел на неё. Потом повернулся к Беатрис.

— Продолжайте конкурс.

— А вы?

— У меня появились другие дела.

Вечером Адам занимался обычной работой.

Но происшествие в номере 206 уже успело изменить атмосферу гостиницы. Натан почти не показывался.

Элеонора выглядела удовлетворённой. Клэр была задумчива.

Генри утверждал, что предупреждал всех о возможности вмешательства в постановки. Оливер, наоборот, почти перестал шутить.

Когда Адам встретил его возле лестницы, писатель спросил:

— Его действительно исключили?

— Да.

— Жаль.

— Он нарушил правила.

— Знаю.

Оливер посмотрел на закрытую дверь гостиной.

— Но иногда человек настолько боится проиграть, что делает именно то, из-за чего обязательно проиграет.

Адам кивнул.

— Похоже на то.

Оливер улыбнулся.

— Наверное, хороший сюжет для книги.

— Надеюсь, вы не собираетесь использовать эту историю прямо сейчас.

— Нет.

Он посмотрел на часы.

— У меня собственная загадка ещё не разгадана.

И пошёл дальше. Адам вернулся к стойке.

В журнале появилась новая запись:

«Натан Брукс. Участие прекращено по решению жюри».

Ниже — подпись Беатрис.

Всё было оформлено правильно. И всё же Адам чувствовал, что история Натана на этом не закончится.

Писатель ушёл из конкурса.

Но остался в гостинице. А значит, правила соревнования больше не могли удерживать его от очередной ошибки.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Пять версий одной смерти

В одиннадцать сорок две Элеонора Грей назвала убийцей племянницу. Через четыре минуты Генри Уитмор обвинил делового партнёра. В одиннадцать пятьдесят одну Клэр Морган напомнила обоим, что никто из них ещё не доказал даже время смерти.

Оливер Рид попросил ещё пять минут.

А Натан Брукс, которого к тому моменту исключили из конкурса, стоял по другую сторону стеклянной двери и наблюдал за всеми так, словно его только что лишили права присутствовать на собственных похоронах.

Адам Уокер посмотрел на часы. До обеда оставалось девять минут.

Ещё вчера он считал, что шесть писателей в гостинице — это необычный, но вполне управляемый вид гостей.

Теперь выяснилось, что каждый из них готов спорить о вымышленном трупе с той страстью, с какой обычные постояльцы спорят о неправильно выставленном счёте.

— Племянница, — повторила Элеонора. — Запасной ключ. Мотив. Возможность войти без свидетелей. Возражения по каждому пункту?

— По отдельности ни один из этих пунктов ничего не доказывает, — возразила Клэр.

— Я и предлагаю версию, а не приговор.

— Тогда не называйте её ответом.

Элеонора медленно повернулась.

— Мисс Морган, вы всегда так внимательно различаете слова?

— Только когда от них зависит смысл.

Оливер поднял руку.

— Я готов поддержать обе стороны, если это поможет быстрее дойти до обеда.

Никто не засмеялся. Он опустил руку.

— Понятно. Убийство серьёзное.

Беатрис Кент встала возле доски.

— У вас осталось восемь минут. После этого ответы будут сданы.

Генри постучал пальцем по листу.

— Мартин единственный выигрывал от уничтожения рукописи. Это существенно, если мы вообще считаем, что её уничтожили.

— Рукопись никто не уничтожил, — заметила Эмили.

Она сидела у окна и до сих пор почти не вмешивалась.

Как автор постановки, она не имела права подсказывать участникам. Но и наблюдать за тем, как они уверенно обвиняют её персонажей на основании несуществующих обстоятельств, оказалось непросто.

Генри нахмурился.

— В вашем условии сказано, что документ пропал.

— Пропал — не значит уничтожен.

— В условии это различие не разъяснили. Для исторического документа подобная неточность была бы недопустима.

— Это два разных действия.

Клэр улыбнулась. Генри заметил.

— Вы согласны с ней?

— В данном случае да.

— Но вы ещё не назвали убийцу!

— Прежде чем назвать убийцу, я хочу установить, жив ли был Бёрк в момент доставки чемодана.

Элеонора отложила ручку.

— В показаниях сказано, что из комнаты прозвучала благодарность.

— Кто?

— Бёрк.

— В показаниях сказано, что Нил услышал голос.

— Он узнал голос Бёрка.

— После короткой беседы при заселении. Этого вам достаточно, чтобы считать опознание надёжным?

Элеонора посмотрела на страницу.

Впервые за последние двадцать минут она не ответила сразу.

Оливер заметил это. И перестал улыбаться.

Самое неприятное в хорошей загадке, по мнению Адама, заключалось в том, что после её решения всё начинало выглядеть очевидным.

Но до решения очевидным казалось совершенно другое. В номере 206 находилось достаточно предметов, чтобы обвинить почти каждого персонажа.

Племянница получила запасную карту. Деловой партнёр скрывал финансовый конфликт.

Портье находился у двери незадолго до обнаружения тела. Сам Бёрк собирался продать рукопись человеку, которого не называл даже собственному помощнику.

И всё же Клэр была права в одном. Никто не доказал, когда именно умер коллекционер.

В условной медицинской справке было указано, что смерть наступила между пятью и шестью вечера.

Но это был широкий промежуток. А единственное свидетельство о том, что Бёрк оставался жив около без двадцати шести, исходило от портье.

Точнее, от голоса, который портье приписал ему. Адам посмотрел на лист с показаниями.

Он не пытался решить загадку за участников.

Его интересовало другое: достаточно ли понятно организованы материалы.

Но даже ему стало ясно, что спор идёт не о ключах. Он шёл о том, какие слова участники ошибочно принимают за доказанный факт.

— Время истекло, — объявила Беатрис.

Элеонора недовольно посмотрела на часы.

— Прошу зафиксировать: для проверки расхождений в показаниях времени не хватило.

— Все работали в одинаковых условиях.

— Я не об этом.

— Ответы, пожалуйста.

Писатели начали собирать листы. Генри ещё что-то исправлял.

Клэр перечитывала собственную версию. Оливер сидел неподвижно.

Элеонора первой передала папку.

— Племянница.

Беатрис кивнула. Генри сдал ответ следом.

— Мартин.

Клэр протянула два листа.

— На этих данных я не могу уверенно назвать виновного. Поэтому указала, что именно требуется проверить.

Элеонора повернулась.

— Прекрасный способ вообще не ошибаться.

— Я указала, какие факты необходимо проверить.

— Это не ответ.

— Посмотрим.

Оливер наконец поднялся.

— У меня третий вариант.

Эмили насторожилась.

— Какой?

— Не скажу до проверки.

Он передал лист Беатрис. Та посмотрела на первую строку.

Потом перевернула страницу. И на мгновение задержала взгляд на Эмили.

Автор выпрямилась.

— Что?

— Ничего, — ответила редактор. — Мы обсудим результаты после завершения этапа.

Адам заметил, как Эмили крепче сжала ручку.

В двенадцать пятнадцать состоялся обед.

Натан к столу не пришёл. Его место пустовало.

Это придавало трапезе неприятный вид, словно один из участников уже исчез из детектива, а остальные ещё не определились, следует ли его искать.

Эдвард Блэквуд вошёл в столовую под конец первой перемены блюд.

— Как успехи?

— Мы ещё не получили результаты, — ответила Элеонора.

— Тем интереснее.

Он сел во главе стола.

— Надеюсь, Эмили заставила вас подумать.

— Заставила, — сказала Клэр.

— А кто-нибудь нашёл решение?

Оливер поднял стакан воды.

— Я обнаружил, что человек может услышать благодарность от покойника. По-моему, уже неплохо.

Эдвард рассмеялся.

— Это всё?

— Если расскажу больше, Беатрис вычтет баллы за нарушение процедуры.

Беатрис даже не подняла глаз от тарелки.

— Вероятно.

Генри отложил вилку.

— Мне не нравится сама постановка вопроса. У нас есть свидетель, который утверждает, что слышал голос потерпевшего. Откуда мы должны знать, что свидетель ошибся?

— А почему вы решили, что он ошибся? — спросила Клэр.

— Вы сами утверждали…

— Я сказала, что мы не можем считать его слова доказательством.

Элеонора вздохнула.

— Удивительно, сколько времени можно потратить на разницу между этими утверждениями.

— В детективе, — заметил Оливер, — обычно около трёхсот страниц.

Эдвард улыбнулся.

Но потом посмотрел на свободное место Натана.

— Где наш молодой победитель интернета?

Никто не ответил.

— Всё ещё обижается?

Беатрис положила приборы.

— Эдвард, не стоит.

— Я просто спросил.

— Его участие прекращено. На этом обсуждение закончено.

Хозяин гостиницы посмотрел на редактора. Затем кивнул.

— Хорошо.

Он поднял бокал.

— Тогда за честную игру.

Элеонора не подняла свой. Клэр сделала небольшой глоток воды.

Оливер посмотрел на пустой стул. И тоже ничего не сказал.

Адам вышел из столовой, когда услышал громкий удар. Звук донёсся из служебной части первого этажа.

Он остановился. Следом послышался звон стекла.

Потом голос Натана:

— Я сказал, не трогайте мои вещи!

Адам ускорил шаг. В узком коридоре возле кладовой стояли Натан и Бен Хьюз.

На полу лежала разбитая стеклянная рамка.

Внутри — фотография с рекламного стенда конкурса.

Бен держал в руках коробку.

— Я ничего не трогал! — сказал он.

Натан шагнул к нему.

— Тогда почему мои вещи здесь?

— Мне приказали убрать стенд!

— Кто приказал?

— Мистер Харпер!

Адам встал между ними.

— Что произошло?

Бен заговорил первым:

— Мне сказали снять фотографии с конкурсного стенда после дисквалификации. Я положил его рамку в коробку. Он увидел и…

— Он выбрасывал мои вещи! — перебил Натан.

— Это гостиничный стенд, — ответил Адам.

— На нём моё имя.

— Фотография принадлежит организаторам мероприятия.

Натан смотрел на него.

— Значит, меня просто сотрут?

Адам не ответил сразу. Бен опустил коробку.

— Я не хотел ничего ломать.

Натан резко повернулся к нему.

— Тогда смотри, что делаешь!

— Достаточно, — сказал Адам.

Писатель замолчал. Несколько секунд было слышно только, как в соседнем помещении работает холодильник.

— Бен, — продолжил Адам, — оставь коробку здесь. Я разберусь со стендом. И позови сотрудника убрать стекло.

Юноша кивнул. Натан проводил его взглядом.

Потом посмотрел на Адама.

— Вы считаете меня идиотом.

— Нет.

— Все считают.

— Я считаю, что вы кричали на сотрудника, который выполнял поручение.

Натан сжал губы.

— Я не собирался разбивать рамку.

— Понимаю.

— Она выскользнула.

— Хорошо.

Адам помолчал.

— Но это не меняет того, что произошло.

Натан посмотрел на осколки.

Впервые его лицо потеряло привычную заносчивость.

— Чёрт.

Он опустился на ближайший стул. Провёл ладонью по лицу.

— Я просто хотел выиграть.

Адам ничего не сказал.

— Вы не понимаете, — продолжил Натан. — Они всегда говорят, что мои книги продаются только благодаря рекламе. Что за меня всё делают редакторы. Что я не настоящий автор.

Он поднял голову.

— Я придумал свою загадку сам. Каждую деталь.

— Тогда зачем вам понадобилось менять чужую?

Натан посмотрел на него. На этот раз ответ пришёл не сразу.

— Потому что я боялся, что этого окажется недостаточно.

Адам взглянул на разбитую рамку.

— Сейчас вам нужно дать Бену спокойно выполнить работу. А разговоры с организаторами лучше вести без угроз.

Натан кивнул.

— Ладно.

Он поднялся.

— Я извинюсь.

— Хорошо.

Натан направился к выходу.

Но у двери остановился.

— Адам.

— Да?

— Эдвард сегодня свободен вечером?

Адам посмотрел на него.

— Не знаю его личного расписания. Если хотите встретиться, нужно согласовать.

— Я уже пытался.

— Тогда оставьте запрос.

Натан нервно усмехнулся.

— Он прекрасно знает, зачем я хочу поговорить.

И ушёл. Адам остался возле осколков.

Это была вторая неприятность за день, связанная с Натаном Бруксом. И до вечера оставалось ещё несколько часов.

После обеда участники перешли к следующей постановке. Она принадлежала Генри Уитмору.

Историк подготовил загадку в небольшом помещении возле старой библиотеки. Там стояли письменный стол, два кресла и большая карта усадьбы.

В отличие от Эмили, Генри не использовал манекен. Вместо тела на полу лежал белый контур, нанесённый съёмной лентой.

Оливер остановился на пороге.

— Как экономно.

Генри нахмурился.

— Воображение должно работать.

— Моё уже работает. Пока оно пытается понять, кто украл тело.

Беатрис попросила участников занять места. На столе лежал дневник управляющего усадьбой.

Рядом — письмо с угрозой.

На стене висели часы. Одна стрелка была снята.

Генри начал объяснять условия.

В 1924 году в усадьбе пропал управляющий.

Его тело нашли в библиотеке, куда, согласно свидетельским показаниям, никто не входил после закрытия дверей. Три человека имели мотив.

Один — наследник.

Второй — камердинер.

Третий — деловой партнёр владельца.

Но главный вопрос заключался в другом.

Каким образом убийца попал в помещение, если обе двери были заперты?

— Потайной ход, — сказал Оливер.

Генри посмотрел на него.

— Нет.

— Жаль.

— Я не использую настолько дешёвые приёмы.

Элеонора подняла брови.

— Историки обычно называют их архитектурными особенностями.

Генри проигнорировал замечание. Клэр подошла к карте.

— А план усадьбы точный?

— Да.

— На какой год?

— Тысяча девятьсот двадцать четвёртый.

Она посмотрела на нижний угол. Там стояла более поздняя дата.

— Тогда почему копия изготовлена в тысяча девятьсот тридцать первом?

Генри выпрямился.

— Потому что это воспроизведение старого плана.

— С изменениями?

— Нет.

— Вы уверены?

Он посмотрел на карту.

— Это часть загадки.

Оливер тихо произнёс:

— Теперь мне действительно нравится.

Участникам дали двадцать минут. Элеонора сразу направилась к часам.

Клэр изучала письма. Генри наблюдал за ними, стараясь не выдавать реакции.

Оливер остановился перед планом.

Адам, находившийся возле двери, видел, как писатель несколько раз переводит взгляд с карты на настоящее расположение мебели. Затем Оливер подошёл к книжному шкафу.

— Его можно передвинуть?

— Нет, — ответила Беатрис. — Только осмотреть.

Он наклонился. Посмотрел за шкаф.

Потом выпрямился.

— Понятно.

Элеонора повернулась к нему.

— Что вы нашли?

— Ничего.

— Тогда почему так довольны?

— Мне нравится мебель.

Она закатила глаза. Клэр подняла письмо.

— Здесь сказано, что камердинер слышал бой часов в половине девятого.

Генри кивнул.

— Верно.

— Но на часах нет минутной стрелки.

— В текущей постановке — нет.

— А в день убийства?

Генри чуть заметно улыбнулся.

— Это предстоит установить.

Элеонора подошла ближе.

— Значит, стрелку сняли позже.

— Возможно.

Оливер посмотрел на часы. Потом на письмо.

— А может быть, никто вообще не слышал половину девятого.

Генри перестал улыбаться. На секунду.

Совсем короткую.

Но Клэр заметила. Она подошла к часам.

Проверила циферблат. Затем снова перечитала письмо.

— Интересно.

Элеонора нахмурилась.

— Что?

Клэр не ответила. Продолжила читать.

Проблема возникла на семнадцатой минуте. Генри разрешил использовать один из старых книжных шкафов для демонстрации расположения предметов.

Оливер попросил уточнить, закреплён ли он. Адам подошёл проверить.

Шкаф оказался тяжёлым, но стоял на старом деревянном полу, который заметно просел у стены.

— Лучше его не двигать, — сказал Адам.

Генри раздражённо ответил:

— Он и не должен двигаться.

В этот момент Натан появился в дверях.

Никто не заметил, когда он подошёл.

— А что вы здесь делаете? — спросила Элеонора.

Он посмотрел на карту.

— Просто смотрю.

— Вы больше не участник.

— Я в гостинице живу. Мне теперь запрещено ходить по коридорам?

Беатрис подошла к двери.

— Мистер Брукс, помещение закрыто для посторонних до завершения этапа.

— Посторонних?

Натан рассмеялся.

— Прекрасно.

Он посмотрел на Оливера.

— Ну что, нашли убийцу?

— Пока только плохой пол.

Генри резко повернулся.

— Прошу не трогать ничего!

Натан сделал шаг внутрь. Адам поднял руку.

— Остановитесь.

— Да что с вами всеми?!

Он резко отступил. Задел плечом узкий столик у двери.

Стоявшая на нём стеклянная витрина качнулась. Адам успел схватить край столика.

Но витрина соскользнула. Стекло ударилось о пол и разлетелось.

Эмили вскрикнула. Генри бросился к осколкам.

— Там документы!

— Не подходите! — резко сказал Адам.

Он удержал столик. Оливер подхватил упавшую рамку, не касаясь разбитого стекла.

Клэр отступила к стене. Беатрис приказала всем выйти.

Натан стоял у двери, побледнев.

— Я не хотел.

Генри посмотрел на него.

— Вы уничтожили часть моей постановки!

— Я ничего не делал!

— Вы задели стол!

— Случайно!

Адам осторожно поставил столик на место.

— Никто не должен подходить к осколкам без обуви и защиты. Сейчас вызову персонал.

Прежде чем вызвать уборку, Адам попросил Беатрис отметить в журнале время повреждения витрины и то, какие предметы находились под стеклом. Потом сфотографировал место с разрешения организатора — не для конкурсной разгадки, а для гостиничного отчёта.

— Это же случайность, — сказал Генри.

— Возможно, — ответил Адам. — Но завтра мы уже не восстановим, что стояло здесь до падения, если сегодня никто этого не запишет.

Беатрис повернулась к Натану.

— Мистер Брукс. Покиньте помещение.

На этот раз он не стал спорить. Просто вышел.

Генри опустился на стул. Несколько секунд смотрел на разбитую витрину.

Потом тихо произнёс:

— Всё. Теперь загадка испорчена.

Оливер поднял глаза.

— Не обязательно.

Генри посмотрел на него.

— Что?

— Документы ведь не повреждены?

— Не все.

— Тогда можно продолжить.

— Вы не понимаете!

Оливер поставил рамку на стол.

— Возможно.

Он посмотрел на карту.

— Но если разгадка зависит от стеклянного колпака, а не от самой логики преступления, у нас проблемы с загадкой.

Генри выпрямился.

— Вы сомневаетесь в моей работе?

— Я говорю, что её ещё можно спасти.

Элеонора неожиданно вмешалась:

— В одном он прав.

Все посмотрели на неё.

Она продолжила:

— Если мы уже увидели основные материалы, а повреждённый реквизит можно заменить, прекращать этап необязательно.

Беатрис задумалась.

— При условии, что никто не получил преимущества.

Клэр кивнула.

— Мы все находились здесь.

Адам проверил, что среди осколков нет важных предметов, которые могли бы быть утеряны или повреждены. Затем вызвал сотрудника с уборочным инвентарём.

Через несколько минут помещение снова стало безопасным. Беатрис приняла решение продолжить этап.

Генри был недоволен.

Но согласился. Когда расследование возобновилось, Оливер попросил разрешения ещё раз посмотреть карту.

Генри кивнул. Писатель подошёл к ней.

Провёл пальцем вдоль обозначенной стены, не касаясь бумаги.

— Вы сказали, что план воспроизводит состояние усадьбы 1924 года.

— Да.

— Но изготовлен он позже.

— Да.

— И на нём отмечена дверь, которой в год преступления не существовало.

Генри застыл. Элеонора резко повернулась.

— Откуда вы это взяли?

Оливер указал на условное обозначение.

— Здесь использован знак, который появился в пояснениях к плану после реконструкции. А в первоначальном описании комнаты упоминается только один вход.

Клэр подошла ближе.

— Значит, вторая дверь появилась позже.

— Именно.

Генри молчал. Оливер посмотрел на него.

— Правильно?

Историк медленно улыбнулся.

— Продолжайте.

— Тогда загадка не в том, как убийца вошёл в запертую комнату.

— А в чём?

Оливер посмотрел на стол.

— В том, почему мы считаем, что комната была заперта именно в тот момент, когда произошло убийство.

Элеонора замерла. Клэр быстро пролистала показания.

— Камердинер видел закрытую дверь после девяти.

— Но никто не утверждает, что проверял её раньше.

Генри положил руки на стол.

— Допустим.

Оливер продолжил:

— Управляющий мог быть убит до того, как комнату закрыли. А вся история с запертой дверью возникла потому, что свидетели перепутали время обнаружения и время смерти.

Беатрис подняла глаза.

— Ваша версия?

— Пока предварительная.

Генри смотрел на него. Потом медленно кивнул.

— Очень близко.

Оливер улыбнулся.

— Не полностью?

— Не полностью.

Элеонора резко взяла письмо.

— Часы, — сказала она.

Клэр повернулась.

— Что?

— Часы. Камердинер якобы слышал бой половины девятого.

Оливер посмотрел на неё.

Элеонора продолжила:

— Но они не могли отбить половину девятого, если механизм был настроен только на целые часы.

Генри медленно сел. Клэр посмотрела на циферблат.

— Значит, свидетель не просто перепутал время.

— Он придумал, что слышал бой.

Оливер тихо присвистнул. Беатрис подняла руку.

— Время.

Генри хотел возразить.

Но редактор уже закрывала этап.

— Участники, сдавайте ответы.

Элеонора быстро записала несколько строк. Клэр сделала то же самое.

Оливер посмотрел на часы. Потом на карту.

И впервые за день выглядел по-настоящему довольным. После завершения этапа Эдвард пригласил участников в гостиную.

Адам помог организовать подачу напитков. Натан там не появился.

Остальные обсуждали загадку Генри.

— Я признаю, — сказала Элеонора, — что она была лучше, чем показалось сначала.

Генри улыбнулся.

— Благодарю.

— Но часы стоило подготовить точнее.

— В этом и заключалась подсказка.

— Подсказка должна быть честной, а не случайной неисправностью.

Оливер поднял чашку.

— В защиту неисправностей: иногда они гораздо интереснее исправных вещей.

Клэр посмотрела на него.

— Особенно когда человек умеет ими пользоваться.

Он улыбнулся.

— Это уже звучит как обвинение.

— Пока нет.

Эдвард рассмеялся.

— Прекрасно! Вот ради этого мы и устроили конкурс.

Он посмотрел на Беатрис.

— Как результаты?

— Предварительные ответы собраны. Оценивать будем после завершения всех этапов.

— А кто лидирует?

— Сейчас этого никто не знает.

— Даже вы?

— Даже я не делаю выводов до проверки.

Эдвард покачал головой.

— Вы совершенно не умеете создавать интригу.

Беатрис посмотрела на него.

— Напротив. Я умею её сохранять.

К шести вечера участники завершили основные конкурсные расследования.

В коридорах стало тихо. Реквизит оставался на местах.

Организаторы собирали ответные листы. Адам помогал проверять помещения.

Беатрис складывала документы по номерам. Когда последний пакет был закрыт, она посмотрела на часы.

— Восемнадцать десять.

— Всё? — спросил Адам.

— Основная часть завершена.

— Значит, теперь можно выдохнуть.

Беатрис посмотрела на стопку конвертов.

— Пока рано.

Адам проследил за её взглядом. Авторские разгадки всё ещё лежали в запертом шкафу.

Их предстояло вскрыть вечером.

Только тогда можно будет определить, кто действительно решил чужую загадку, кто ошибся и какие авторские истории выдержали проверку.

— Я думал, самая сложная часть позади, — сказал Адам.

Беатрис улыбнулась.

— Для участников — возможно.

Она взяла журнал.

— Для нас всё только начинается.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Четвёртый конверт

В восемнадцать двадцать три Эдвард Блэквуд предложил отменить дисквалификацию Натана Брукса. Не из-за новых обстоятельств или сомнений в его виновности: организатор внезапно вспомнил, что потерял участника с самой большой аудиторией.

— Посмотрите на ситуацию с другой стороны, — сказал он. — Скандал уже произошёл. Вопрос лишь в том, будем ли мы оправдываться или сумеем превратить его в событие.

Беатрис Кент медленно положила ручку.

— Каким образом?

— Вернуть его в конкурс. Публика любит неожиданные решения.

— Он подменил документ.

— Подделал одну строчку в вымышленном деле.

— Именно.

— Никто ведь не пострадал.

Беатрис посмотрела на него.

— Пострадала честность соревнования.

Эдвард вздохнул.

— Вы говорите так, словно он подкупил судью на настоящем процессе.

— Контракт и денежный приз настоящие, Эдвард. Значит, и последствия нарушения правил настоящие.

За окном медленно темнело.

В комнате, предназначенной для работы жюри, стоял большой стол. На нём лежали пять комплектов конкурсных ответов, папка с материалами Натана и шесть запечатанных авторских конвертов.

Адам Уокер находился у двери.

Он пришёл проверить, достаточно ли ламп на столе, но оказался свидетелем спора, который не имел к освещению никакого отношения.

— Можно разрешить Бруксу пройти оставшиеся задания без начисления баллов, — предложил Эдвард.

— Разумеется. Как гостю. Но возвращать его в число претендентов нельзя.

— Вы очень упрямая женщина.

— Именно поэтому вы доверили мне конкурс.

Эдвард усмехнулся. Потом заметил Адама.

— А вы что думаете?

Тот не ожидал вопроса.

— О чём именно?

— Стоит ли возвращать Брукса?

Адам посмотрел на стол.

— Вы объявили, что правила одинаковы для всех.

— И?

— Вы объявили общие правила. Исключение сейчас поставит под сомнение результат — кто бы ни победил.

Беатрис кивнула. Эдвард помолчал.

Затем рассмеялся.

— Превосходно. Два человека, которые считают правила важнее хорошей рекламы.

Он отодвинул кресло.

— Ладно. Брукс остаётся за пределами конкурса.

Беатрис сделала соответствующую отметку. Вопрос был закрыт.

По крайней мере, в комнате жюри. Восемнадцать сорок.

Беатрис сверила номера пломб с журналом. Затем вскрыла первый конверт.

Элеонора Грей. «Последний посетитель». Эдвард надел очки.

— Начнём.

Они работали вдвоём. Адам остался на несколько минут, чтобы забрать освободившиеся папки с техническими схемами, но в чтении не участвовал.

Разгадки содержали авторские решения. До окончания проверки их не должны были узнать ни участники, ни сотрудники.

— Вам не нужно ждать, — сказала Беатрис. — Если понадобятся дополнительные материалы, мы позвоним.

Адам кивнул.

— Я буду на стойке.

Он вышел, прикрыв дверь. В коридоре стояла Элеонора.

Она посмотрела на него.

— Они уже начали?

— Да.

— Какую разгадку читают?

— Я не знаю.

Элеонора прищурилась.

— Вы работаете здесь семь лет и не знаете, что происходит за этой дверью?

— Могу сообщить только то, что проверка началась.

Она посмотрела на закрытую дверь.

— Эдвард должен лично получить моё заявление. Я уже пыталась решить вопрос иначе.

— Он занят.

— Это не может ждать до завтра.

— Могу передать просьбу.

— Передайте.

Она протянула ему небольшой конверт.

На нём было написано:

«Э. Блэквуду. Лично».

Адам не взял письмо сразу.

— Если документ личный, лучше передать его через секретариат. Я зарегистрирую доставку, но не содержимое.

— Прекрасно.

Элеонора положила конверт на стойку у двери.

— И сообщите, что я больше не намерена обсуждать этот вопрос через юристов.

Она развернулась и ушла. Адам записал передачу.

Не содержание. Не предположения.

Только имя отправителя и время.

В семь вечера Натан Брукс потребовал вызвать Эдварда к телефону.

— Он не отвечает на сообщения, — сказал писатель.

Адам сидел за стойкой.

— Мистер Блэквуд занят проверкой конкурса.

— Передайте, что вопрос касается наших договоров.

— Передам.

— И что я не собираюсь ждать до понедельника.

Адам посмотрел на него.

— Я зарегистрирую просьбу и передам её. Время встречи назначает мистер Блэквуд.

Натан отступил от стойки. В руках он держал синюю перьевую ручку с серебристым колпачком.

Он машинально крутил её пальцами.

— Вы ведь знаете, что произошло сегодня? — спросил он.

— Да.

— И считаете, что меня правильно исключили?

Адам помолчал.

— Организаторы приняли решение на основании установленного нарушения.

Натан раздражённо рассмеялся.

— У вас тут у каждого готова официальная формулировка. Хоть кто-нибудь может сказать прямо, что думает?

— Я могу объяснить порядок подачи жалобы.

— Не нужно.

Писатель убрал ручку в карман.

— Просто передайте Эдварду, что мне нужны мои документы.

Он направился к лестнице.

Но у поворота остановился.

— И, Адам…

— Да?

— Если он спросит, какие именно, скажите: те, что я оставил у него днём.

Адам кивнул. Натан ушёл.

Это был уже второй за вечер участник, требовавший личной встречи с владельцем. А до окончания проверки оставалось несколько часов.

К семи двадцати большая гостиная постепенно заполнилась людьми.

Эдвард предусмотрел ужин без официальных речей. После него участники могли свободно общаться, пока жюри проверяло ответы. Победителя планировали объявить на следующий день.

За одним столом сидели Эмили и Клэр.

За другим — Генри.

Оливер Рид устроился у камина с блокнотом. Когда Адам проходил мимо, писатель поднял голову.

— Как там наши судьбы?

— В надёжных руках.

— Это и пугает.

Адам остановился.

— Надеюсь, вы не собираетесь оспаривать результаты до их объявления.

— Нет. Я пока пытаюсь придумать убедительную причину собственного проигрыша.

— Возможно, стоит дождаться результатов.

— Если бы мои герои ждали результата прежде, чем переживать поражение, пришлось бы вычеркнуть половину книги.

Адам улыбнулся. Оливер закрыл блокнот.

— Вы смотрели наши постановки?

— Только с организационной стороны.

— И какая понравилась?

— С точки зрения безопасности?

— Допустим.

— Та, где было меньше стекла.

Оливер рассмеялся.

— Это Генри будет приятно услышать.

Адам направился к выходу.

Оливер окликнул его:

— Кстати, а вы когда-нибудь хотели уехать отсюда?

Адам обернулся.

— Из гостиницы?

— Да.

Вопрос был неожиданным.

— Иногда.

— И почему остаётесь?

Адам задумался.

— Работа.

— Убедительно.

Оливер улыбнулся.

— Правда, немного грустно.

— В ваших книгах все герои довольны своей работой?

— Только убийцы. У них обычно есть цель.

— Тогда мне лучше оставаться администратором.

Оливер засмеялся. Адам пошёл дальше.

Разговор оказался пустяковым.

Но почему-то задержался в памяти.

Возможно, потому, что Оливер задал вопрос, который сам Адам давно старался не задавать себе.

В семь тридцать восемь из кухни позвонили с жалобой на кофейную тележку.

Одно колесо заедало. Адам спустился в подсобное помещение.

Там Грэм стоял возле тяжёлой тележки с двумя металлическими полками.

— Не нравится мне это, — сказал техник.

Он попытался прокатить её вперёд. Переднее колесо резко повернулось боком.

Тележка дёрнулась. Стоявший сверху пустой поднос соскользнул.

Адам успел подхватить его.

— Если она так сделает с горячим кофе, будет неприятно.

— Именно.

Грэм присел. Осмотрел крепление.

— Подшипник почти развалился.

— Можно починить сейчас?

— Нет. Нужна замена.

Адам посмотрел на расписание. После ужина на двадцать один пятнадцать была назначена общая подача кофе в гостиной.

— Значит, будем подавать с подносов.

Грэм покачал головой.

— Сначала сообщите кухне. Иначе они попытаются использовать эту штуку.

Адам кивнул. Пока он оформлял заявку, из соседнего помещения донёсся грохот.

Луиза уронила металлическую крышку. Техник даже не повернулся.

— Сегодня все что-нибудь роняют, — заметил он.

Адам посмотрел на тележку.

— Надеюсь, на этом остановимся.

Пока неисправность ещё не означала окончательной отмены сервировки. Грэм обещал повторно проверить крепление после ужина, но предупредил, что при малейшем сомнении вывозить тележку нельзя.

Адам согласился.

В электронном журнале он отметил:

«Кофейная тележка. Неисправность переднего колеса. Использование приостановлено до проверки».

Запись получила время создания. Ничего необычного.

Обычный рабочий документ.

В семь пятьдесят две Беатрис попросила принести в комнату жюри воду.

Адам взял поднос. Постучал.

— Войдите.

В комнате было тихо. На столе лежали раскрытые авторские разгадки.

Эдвард сидел у окна. Беатрис делала пометки.

Адам поставил воду на свободный край стола, не приближаясь к документам.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, — ответила редактор.

Эдвард не поднял головы. Он смотрел на один из листов.

Адам заметил только необычную неподвижность. Эдвард всегда читал быстро.

Переворачивал страницы, делал замечания, спрашивал, сколько осталось.

Сейчас же он сидел перед одним листом, словно пытался понять не смысл написанного, а то, как текст вообще оказался перед ним.

— Эдвард? — тихо сказала Беатрис.

Он поднял глаза.

— Да?

— Продолжим?

Некоторое время хозяин гостиницы молчал. Потом медленно сложил листы.

— Мне нужно сделать короткий перерыв.

Беатрис посмотрела на него.

— Сейчас?

— Да.

Он поднялся. Взял одну из рабочих папок.

Затем посмотрел на Адама.

— Вы свободны?

— Да.

— Хорошо.

Эдвард прошёл мимо него и вышел. Адам остался у двери.

Беатрис некоторое время смотрела вслед владельцу. Потом собрала раскрытые бумаги.

— Пожалуйста, закройте дверь.

Адам вышел.

Он не знал, какой именно текст читал Эдвард.

И не пытался выяснить.

Но впервые за всё время подготовки конкурса увидел владельца гостиницы человеком, который не сразу нашёл слова. Через несколько минут Беатрис вышла в коридор.

Она несла закрытую папку.

— Мистер Уокер, где сейчас Эдвард?

— Он направился к административной лестнице.

— Понятно.

— Что-то случилось?

Она помолчала.

— Надеюсь, нет.

Адам посмотрел на неё. Редактор, очевидно, не собиралась продолжать.

— Если понадобится помощь, я на стойке.

— Спасибо.

Она вернулась в комнату жюри. Адам направился вниз.

В вестибюле его ожидал Генри Уитмор. Историк держал старый план гостиницы.

— Мистер Уокер, я могу задать вопрос?

— Конечно.

— Западная лестница раньше соединялась с хозяйственным коридором?

Адам поднял глаза.

— До реконструкции — да.

— А сейчас?

— Проход закрыт.

Генри нахмурился.

— Но на старой схеме он существует.

— Поэтому схема и называется старой.

Историк посмотрел на него.

— Мне нужны точные сведения о перестройке.

— Если у вас исследовательский запрос, лучше направить его администрации письменно.

— Я уже направлял.

— Тогда он будет рассмотрен.

Генри раздражённо сложил план.

— Эдвард не хочет показывать документы.

— Я не могу решать за него.

Историк помолчал.

— Странное отношение к истории собственного дома.

Он ушёл. Адам записал очередной запрос.

К этому моменту уже трое участников конкурса хотели получить от Эдварда что-то помимо итоговых баллов.

В восемь двадцать Элеонора наконец встретилась с владельцем гостиницы возле библиотеки.

Адам увидел их из холла. Они остановились у высокого окна.

Разговор начался спокойно.

Но вскоре Элеонора повысила голос.

— Я больше не собираюсь ждать.

Эдвард ответил что-то слишком тихо, чтобы Адам разобрал слова.

— Вы прекрасно знаете, какую роль Джоан сыграла в первых книгах.

Эдвард посмотрел в сторону холла. Адам отвернулся к стойке.

Он не собирался подслушивать.

Но следующую реплику услышал даже отсюда.

— Вы не можете бесконечно делать вид, что её работы не существовало!

Несколько секунд было тихо.

Затем Эдвард произнёс:

— Элеонора, если вы хотите обсуждать права, делайте это через представителей.

— Именно так вы всегда и уходите от разговора.

Она резко развернулась. Прошла мимо стойки, не глядя на Адама.

В руках у неё был тот же тонкий конверт, который она пыталась передать ранее.

Но теперь он оказался вскрыт.

Адам заметил это лишь потому, что на краю бумаги виднелся неровный разрыв. Элеонора поднялась по лестнице.

Эдвард остался возле окна. Некоторое время смотрел в сад.

Потом достал телефон. Набрал номер.

Разговор был коротким.

Адам слышал только отдельные слова:

— Нет… Сегодня… Я сказал, после проверки.

Эдвард убрал телефон. И направился к своему кабинету.

В восемь сорок семь Харпер остановил Адама возле административного коридора.

— Эдвард просил передать архивную папку, которую мы готовили в четверг.

— Какую именно?

— Материалы по западному крылу.

Адам удивился.

— Сейчас?

— Да.

— Они в архиве?

— Часть у Марты. Остальное я забрал вчера.

— Тогда лучше оформить передачу через журнал.

Харпер раздражённо посмотрел на него.

— Адам, это документы владельца гостиницы.

— Я понимаю. Но если материалы из архива, передача должна быть зарегистрирована.

Управляющий сделал вдох. Потом кивнул.

— Хорошо. Я сам оформлю.

Он ушёл. Адам посмотрел на закрытую дверь административного прохода.

Ему не нравилось, что все вдруг вспомнили о старом крыле именно в день конкурса.

Но это могло быть совпадением. Генри задавал вопросы о планировке.

Эдвард попросил документы заранее. Харпер занимался ими по распоряжению владельца.

Ничего из этого не доказывало, что происходит нечто необычное.

В двадцать пять минут десятого Эмили Картер подошла к стойке.

Она выглядела уставшей.

— Мистер Уокер, у вас есть возможность заказать чай в гостиную?

— Конечно.

— Только не очень крепкий.

— Передам.

Адам оформил заказ. Эмили посмотрела на часы.

— Как долго они ещё будут проверять результаты?

— Не знаю.

— Мне кажется, я уже придумала три новых решения собственной загадки.

Адам улыбнулся.

— Это хорошо?

— Ужасно.

Она села в кресло неподалёку. Оливер находился возле камина.

Он что-то записывал в блокнот. Когда увидел Эмили, закрыл его.

— Как настроение?

— Я уже ненавижу собственную книгу.

— Прекрасный признак. Значит, работа завершена.

Эмили засмеялась. Адам передал заказ на кухню.

Всё выглядело спокойно.

Но спокойствие продлилось недолго.

В восемь пятьдесят пять Грэм снова вызвал Адама к кофейной тележке.

На этот раз колесо окончательно заклинило. Техник попробовал повернуть его рукой.

Безрезультатно.

— Всё, — сказал он. — На сегодня забыли.

Адам посмотрел на часы. До запланированной подачи оставалось двадцать минут.

— Хорошо. Общую сервировку отменяем.

— Я сниму колесо, чтобы никто случайно её не вывез.

— Снимайте.

Адам связался с Норой и кухней.

— Вечерний кофе только индивидуальными заказами. Никаких общих тележек.

Нора ответила:

— Поняла. Подносами.

Адам внёс изменение в электронный журнал.

«20:55. Общая подача кофе в 21:15 отменена. Причина — неисправность сервировочной тележки. Индивидуальные заказы сохраняются».

Он проверил сохранение записи. Затем вернулся к стойке.

Бумажные программы конкурса по-прежнему лежали в гостиной. В них значилась запланированная подача кофе.

Адам не стал перепечатывать программы ради одного изменения, которое не мешало гостям получать напитки. Он не подозревал, что позже эта мелочь станет важной.

В девять четыре Эмили всё ещё сидела у камина.

Напротив неё находился Оливер. Они обсуждали конкурсные загадки.

Адам подошёл уточнить заказ чая.

— Всё в порядке?

— Да, спасибо, — ответила Эмили.

Оливер поднял глаза.

— Адам, если завтра окажется, что я проиграл Генри, вы позволите мне немедленно покинуть страну?

— Только после оплаты счёта.

— Беспощадно.

Эмили улыбнулась. Адам ушёл.

Встреча ничем не выделялась среди десятков других: два писателя у камина, чашка чая и самый обычный разговор. Адам не знал, сколько времени они ещё просидят вместе.

И не имел причин это проверять.

В девять двенадцать у Эмили зазвонил телефон.

Она взглянула на экран.

— Простите, это сестра.

Оливер кивнул.

— Конечно.

Эмили поднялась.

— Здесь плохо слышно. Я выйду в коридор.

Она взяла телефон и направилась к лестнице.

Оливер остался у камина. Проводив Эмили взглядом, он открыл блокнот, несколько секунд смотрел на страницу, затем захлопнул его и вышел из гостиной.

Никто не обратил на это особенного внимания. В конце концов, в гостинице люди постоянно входили и выходили из комнат.

Особенно в вечер, когда шесть писателей закончили сложный конкурс и ожидали результатов.

В девять семнадцать Эдвард Блэквуд находился в своём кабинете.
На столе лежали несколько папок.
Одна — с конкурсными материалами.
Другая — с документами по западному крылу.
Хозяин гостиницы смотрел на старую бумагу. Она была пожелтевшей по краям.
На ней стояли подписи. Эдвард провёл пальцем вдоль строки.
Потом отложил лист. За дверью послышались шаги.
Он поднял голову. Стук.
Три коротких удара.
— Войдите, — сказал Эдвард.
Дверь открылась.
На пороге стоял человек.
Эдвард посмотрел на него.
— Вы всё-таки пришли.
Человек вошёл.
Дверь закрылась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последний гость

В девять двадцать три вечера часть «Блэквуд-Мэнор» погрузилась в темноту: восточный коридор первого этажа, служебная лестница и маленькая комната для чистого белья. Через одиннадцать секунд на стойку регистрации поступили четыре звонка.

Первый — от гостя, который хотел знать, когда восстановят освещение.

Второй — от сотрудницы прачечной, которая оказалась в темноте.

Третий — от Джеймса Харпера, потребовавшего немедленного объяснения.

Четвёртый — от Элеоноры Грей.

— Мистер Уокер, — произнесла она, — в этой гостинице принято устраивать подобные эффекты без предупреждения?

— Нет, миссис Грей.

— Значит, никакого предупреждения о работах не было и это авария?

— Вероятно.

— Прекрасно. А я уже решила, что Генри подготовил дополнительную загадку.

Адам положил трубку. Он посмотрел на часы.

Девять двадцать четыре. Грэм уже шёл к распределительному щиту.

— Не открывайте никому электрощитовую, — сказал техник, проходя мимо.

— Не собирался.

— И автоматы не трогайте. Пока я не выясню нагрузку, повторное включение опасно.

— Грэм.

— Что?

— Идите.

Техник исчез за дверью.

Адам включил резервное освещение коридора, проверил сообщение с поста охраны и отправил сотрудника к служебной лестнице.

В гостинице не было полноценного отключения электричества. Большая гостиная оставалась освещённой, кухня работала, двери с электронными замками продолжали получать питание.

Но старый восточный участок погрузился в полумрак. Адам взял фонарь и пошёл проверять, не остался ли кто-нибудь на лестнице.

В девять двадцать шесть Эмили Картер закончила разговор с сестрой.

Она стояла у окна возле главной лестницы, где было лучше слышно.

— Нет, правда, всё нормально, — сказала она в телефон. — Просто я ужасно устала.

Она выслушала ответ.

— Обещаю, завтра позвоню.

Ещё несколько секунд слушала. Потом улыбнулась.

— И тебе спокойной ночи.

Эмили убрала телефон в сумочку. Со стороны административного коридора донёсся резкий звук.

Она подняла голову. Это было похоже на падение тяжёлой книги.

Или на дверь, которую слишком сильно закрыли. Эмили прислушалась.

Больше ничего. Она посмотрела на полутёмную служебную лестницу.

Потом направилась обратно в гостиную. Через несколько шагов остановилась.

В конце коридора быстро прошёл мужчина в тёмной одежде. Она увидела только спину.

Он свернул за угол и исчез. Эмили нахмурилась.

Может быть, сотрудник. Может быть, гость, который заблудился в старом здании.

Она не стала подходить ближе. Через минуту в гостиной кто-то рассмеялся.

Звук оказался настолько обычным, что неприятное ощущение исчезло. Эмили вернулась к камину.

Адам обнаружил на служебной лестнице Луизу. Она стояла на площадке с коробкой полотенец.

— Я думала, дверь заклинило, — сказала она.

— Какая?

— Внизу. Там темно, и я не могла понять, куда вставлять ключ.

Адам посветил фонарём.

— Это не та дверь.

Луиза посмотрела.

— Ой.

— Служебная кладовая справа.

— Я знаю.

— Верю.

Она посмотрела на коробку.

— Можно я просто отнесу это утром?

— Конечно. Поставь коробку, пожалуйста. Через лестницу пока не ходим: я проведу тебя освещённым коридором.

Луиза кивнула. Они поднялись вместе.

На втором этаже резервные лампы светили тускло. Где-то за стеной работал старый вентиляционный механизм.

— Ужасное место, — прошептала Луиза.

— Это гостиница.

— Я про эту лестницу.

— За неё тоже отвечаю. Поэтому сейчас провожу тебя наверх.

— Вы когда-нибудь боялись здесь ходить?

Адам задумался.

— Первые два месяца.

— А потом?

— Выучил, где скрипят ступени.

Луиза улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла.

— А западное крыло?

Адам посмотрел на неё.

— Туда без разрешения не ходят.

— Я знаю.

Они дошли до освещённого участка. Адам проводил её до служебной комнаты.

Потом вернулся к стойке. Грэм позвонил в девять тридцать одну.

— Нашёл причину.

— Что случилось?

— Автомат отключился из-за перегрузки линии. Кто-то подключил дополнительное оборудование в служебной комнате.

— Что именно?

— Обогреватель.

— Чей?

— Выясняю.

— Когда восстановишь?

— После того как сниму лишнюю нагрузку и проверю линию.

Адам посмотрел на электронный журнал.

— Хорошо. Сначала проверь линию. Не включай, пока не убедишься, что безопасно.

— Сам знаю.

Грэм повесил трубку.

Адам записал время отключения, затронутые помещения и предварительную причину. Отметку об устранении неисправности он оставил пустой: Грэм ещё не закончил проверку.

В девять тридцать четыре Оливер Рид вернулся в большую гостиную.

Эмили заметила его почти сразу. Он вошёл со стороны коридора, прошёл к камину и остановился возле кресла.

— А вот и вы, — сказала она. — Я думала, вы ушли спать.

Оливер улыбнулся.

— Так рано? Меня бы лишили писательской лицензии.

— Вы пропустили отключение света.

— Разве?

— В восточном коридоре.

Он посмотрел в сторону двери.

— А я подумал, что организаторы придумали новый раунд: угадай, где в гостинице ещё горит свет.

Эмили рассмеялась. Оливер сел.

Она заметила, что у него немного растрёпаны волосы.

— Вы бегали?

— Поднимался по лестнице.

— Зачем?

Он посмотрел на неё.

— Хотел забрать кое-что из номера.

Эмили кивнула.

— Понятно.

Она снова взяла чашку. Оливер потянулся к блокноту, который оставил возле кресла.

Открыл его. Некоторое время смотрел на страницу.

Потом закрыл.

— Как думаете, завтра объявят победителя сразу после завтрака?

— Беатрис говорила, что после проверки.

— Тогда у нас есть время приготовиться к поражению.

Эмили улыбнулась.

Но Оливер не улыбнулся в ответ. Он смотрел в огонь.

В девять сорок Адам встретил Натана Брукса возле главной лестницы.

Писатель шёл быстро. В руке держал телефон.

— Мистер Уокер, — сказал он, — Эдвард у себя?

Адам остановился.

— Я не знаю.

— Вы можете узнать?

— Сейчас проверю, доступен ли он для встречи.

— Не нужно звонить.

— Почему?

Натан помолчал.

— Я сам зайду.

— Если у вас нет назначенной встречи, лучше сначала согласовать.

— Я уже пытался.

Адам посмотрел на него.

— Тогда оставьте сообщение.

Натан раздражённо выдохнул.

— У вас на всё есть порядок?

— Почти.

— Даже когда человек просто хочет забрать свои бумаги?

— Особенно если бумаги находятся у другого человека.

Писатель посмотрел на административный коридор.

— Ладно.

Он развернулся. И пошёл к гостиной.

Адам проводил его взглядом. Судя по тому, как Натан сжимал телефон, разговор с Эдвардом он не собирался откладывать надолго.

В девять сорок три восстановили освещение.

Восточный коридор снова засиял тёплыми лампами. На служебной лестнице загудел вентиляционный блок.

Адам получил подтверждение от Грэма. Он закрыл аварийную заявку.

Потом открыл список вечерних поручений. Оставалось три задачи.

Проверить выдачу дополнительных одеял. Передать на кухню заказ позднего ужина.

И отнести Эдварду список участников, которые останутся в гостинице до понедельника. Последнее поручение хозяин дал ещё днём.

Адам отложил его из-за конкурса. Теперь решил закончить.

Он распечатал список. Сверил номера комнат.

Поставил подпись. Затем позвал Бена.

— Отнеси мистеру Блэквуду.

Юноша взял лист.

— В кабинет?

— Да.

— Он точно там?

— Не знаю. Если не ответит, верни документ. Не оставляй под дверью.

Бен кивнул.

— Хорошо.

Адам посмотрел на часы. Без пяти десять.

В девять пятьдесят один Натан Брукс попросил воды.

Луиза принесла стакан на подносе. Он стоял возле камина.

Рядом сидела Эмили.

— Спасибо, — сказал Натан.

Он выпил почти половину сразу. Луиза забрала пустой поднос.

— Что-нибудь ещё?

— Нет.

Она ушла. Эмили посмотрела на молодого писателя.

— Вы всё ещё злитесь?

Натан медленно повернулся.

— На что?

— На конкурс.

Он рассмеялся.

— Нет, конечно.

Эмили подняла брови.

— Вы плохо врёте.

Натан посмотрел на неё.

— А вы плохо придумываете убийства.

Она замолчала. Оливер, сидевший неподалёку, поднял глаза.

— Натан.

Тот повернулся.

— Что?

— Сегодня уже достаточно.

Натан посмотрел на него. Несколько секунд они молчали.

Потом молодой писатель опустил голову.

— Ладно.

Он поставил стакан.

— Простите.

Эмили не ответила сразу.

— Хорошо.

Натан сел в кресло у окна. Оливер снова посмотрел в огонь.

Никто не заметил, что его правая рука слегка дрожит.

В десять две минуты Бен Хьюз постучал в дверь кабинета Эдварда.

Ответа не последовало. Он подождал.

Постучал снова.

Тишина.

Бен посмотрел на список гостей. Адам велел вернуть документ, если хозяин не ответит.

Юноша уже собирался уйти, когда заметил, что дверь приоткрыта. Совсем немного.

Настолько, что из щели виднелась полоска света. Он замер.

Эдвард не любил оставлять кабинет открытым. Особенно когда внутри находились рабочие бумаги.

— Мистер Блэквуд?

Ответа не было. Бен осторожно толкнул дверь.

Она открылась. На полу возле письменного стола лежали документы.

Одно кресло было опрокинуто. Ящик стола выдвинут.

Бен нахмурился.

— Мистер Блэквуд?

Он сделал шаг внутрь. И увидел руку.

Сначала только руку. Она лежала на ковре за столом.

Неподвижная. Бен подошёл ближе.

Потом увидел лицо. И отступил.

Документы выпали из его рук. Он не закричал.

Несколько секунд просто стоял. Затем резко развернулся.

И выбежал в коридор.

В десять шесть Бен появился у стойки регистрации.

Он был белее бумаги. Адам поднял глаза.

— Что случилось?

Бен открыл рот. Ничего не сказал.

Попытался ещё раз.

— Там…

Адам встал.

— Бен?

Юноша вцепился в край стойки.

— Мистер Блэквуд.

Адам почувствовал, как внутри что-то изменилось.

— Что с ним?

— Он лежит.

— Где?

— В кабинете.

— Дышит?

Бен посмотрел на него. На лице было полное непонимание.

— Я не знаю.

Адам вышел из-за стойки.

— Луиза!

Она появилась из соседнего помещения.

— Да?

— Вызови скорую помощь. Скажи, что человек без сознания в гостинице. Уточни у диспетчера дальнейшие действия. Я иду к нему.

Он повернулся к Бену.

— Ты со мной?

Юноша покачал головой. Адам не стал настаивать.

— Хорошо. Оставайся здесь.

Он побежал. В административном коридоре горел обычный свет.

Дверь кабинета была открыта. Адам остановился на пороге.

Увидел опрокинутое кресло. Рассыпанные документы.

Открытый ящик. И Эдварда Блэквуда на полу.

Он лежал за столом. Лицо было неподвижным.

Возле виска темнела кровь. Адам опустился рядом.

Позвал его по имени. Ответа не было.

Он проверил реакцию и дыхание настолько быстро, насколько позволяла подготовка по первой помощи. Затем связался с Луизой по телефону.

— Передай диспетчеру: тяжёлая травма головы, человек без сознания. Я не вижу нормального дыхания. Пусть инструктируют.

Он включил громкую связь. Следующие минуты превратились в последовательность коротких команд.

Проверка. Положение рук.

Надавливания. Отсчёт.

Адам не смотрел на бумаги. Не думал о причинах.

Не пытался понять, кто мог находиться в комнате.

Всё, что имело значение, — человек перед ним.

И то, что он ещё мог сделать. Он продолжал выполнять указания диспетчера до прибытия медицинской бригады.

Скорая приехала быстро.

За ней — ещё один автомобиль.

Адам отступил, когда медики приняли ситуацию на себя. Ему задали несколько вопросов.

Когда обнаружили?

Кто видел первым?

Известно ли, что произошло?

Он отвечал коротко.

— Бен Хьюз обнаружил около десяти двух. Мне сообщил около десяти шести. Я пришёл сразу.

— Вы видели, как он упал?

— Нет.

— Знаете, когда последний раз был в сознании?

— Нет.

Медик кивнул. Адам вышел в коридор.

Опёрся ладонью о стену. Только теперь заметил, что рубашка влажная от пота.

Харпер появился почти сразу.

— Что случилось?

Адам посмотрел на него.

— Эдвард без сознания. Медики работают.

Управляющий побледнел.

— Что?

— Бен обнаружил его в кабинете.

Харпер попытался пройти. Адам остановил его.

— Сейчас нельзя.

— Это мой работодатель!

— Медикам нужно пространство.

Управляющий замер. Потом медленно отступил.

— Господи.

Он посмотрел на дверь. И впервые за много лет Адам увидел, что Джеймс Харпер совершенно не знает, что делать.

В одиннадцать без нескольких минут врач вышел из кабинета.

Он снял перчатки. Посмотрел на Адама и Харпера.

— К сожалению, спасти его не удалось.

Харпер закрыл глаза. Адам не сразу понял слова.

Врач продолжил говорить. Объяснил, что обстоятельства смерти требуют передачи информации полиции.

Что необходимо сохранить помещение. Что дальнейшие действия будут согласованы с соответствующими службами.

Адам слушал. Кивал.

Отвечал на вопросы. Он всё ещё ощущал под ладонями давление, которое делал во время реанимации.

И видел перед собой неподвижное лицо Эдварда. Харпер сел на стул.

Смотрел в пол. Никто из них не говорил.

Когда в гостинице узнали, что Эдвард умер, большая гостиная изменилась. Не внешне.

Камин продолжал гореть. На столах стояли чашки.

В окнах отражались лампы.

Но разговоры прекратились. Элеонора сидела неподвижно.

Генри смотрел на дверь. Клэр держала телефон, не включая экран.

Эмили прижала руку ко рту. Натан стоял возле окна.

А Оливер Рид смотрел в огонь. Беатрис вошла последней.

Она остановилась на пороге.

— Дамы и господа, — сказала она, — прошу вас оставаться в гостинице до прибытия полиции. Не обсуждайте между собой возможные обстоятельства смерти. Если кто-нибудь видел или слышал что-либо необычное сегодня вечером, сообщите об этом сотрудникам полиции.

Натан резко поднял голову.

— Вы хотите сказать, что его убили?

Беатрис посмотрела на него.

— Я ничего подобного не утверждала.

— Но вы просите нас оставаться.

— Потому что произошла смерть при неясных обстоятельствах.

Элеонора медленно встала.

— Мы все были здесь.

Никто не ответил. Она посмотрела на остальных.

— Почти всё время.

Оливер поднял глаза.

— Элеонора.

— Что?

— Сейчас не лучшее время обвинять друг друга.

— Я никого не обвиняю.

— Тогда хорошо.

Она снова села. Клэр посмотрела на часы.

Эмили опустила голову. Натан провёл рукой по волосам.

Только Генри произнёс:

— Я не понимаю, как такое могло произойти.

Беатрис посмотрела на него.

— Сейчас никто не понимает.

Адам вернулся к стойке регистрации после полуночи. Полиция уже находилась в здании.

Административный коридор закрыли. Сотрудников попросили не перемещать документы и не убирать помещение до окончания необходимых действий.

Бен сидел в маленькой комнате для персонала. Луиза принесла ему воду.

Харпер разговаривал по телефону с кем-то из семьи Эдварда. Нора стояла возле лестницы.

Когда Адам появился, она подошла.

— Ты как?

Он посмотрел на неё.

— Не знаю.

Нора кивнула.

— Понятно.

Она не стала говорить, что всё будет хорошо. Не стала уверять, что он сделал всё возможное.

Просто подала ему чистое полотенце.

— У тебя руки испачканы.

Адам посмотрел вниз. На пальцах оставались тёмные следы.

Он взял полотенце.

— Спасибо.

Нора стояла рядом. Некоторое время они молчали.

Потом она спросила:

— Он умер?

Адам кивнул. Она закрыла глаза.

Не заплакала. Просто постояла несколько секунд.

Затем сказала:

— Я пойду к Бену.

И ушла.

Под утро Адам остался один в кабинете администрации.

Не в кабинете Эдварда. В своём маленьком помещении, где стояли компьютер, два шкафа и принтер, который постоянно зажёвывал бумагу.

Он открыл служебный журнал.

Последней записью было:

«21:43. Электроснабжение восточного коридора восстановлено».

Ниже оставалось пустое место. Адам взял ручку.

Несколько секунд не мог написать ничего. Затем начал фиксировать события.

22:02 — Бен отправлен с документами к кабинету владельца.

22:06 — Бен сообщил, что обнаружил Эдварда без сознания.

22:07 — передано сообщение в экстренную службу.

Далее — прибытие медиков и полиции.

Он записывал только то, что знал. Без предположений.

Без объяснений. Когда закончил, положил ручку.

За окном начинало светать. В коридорах было тихо.

Гостиница, в которой ещё вчера шесть человек соревновались в придумывании убийств, теперь стала местом настоящего преступления. Адам посмотрел на закрытую дверь.

Впервые за семь лет ему захотелось уйти из «Блэквуд-Мэнор» немедленно.

Не написать заявление. Не дождаться конца смены.

Просто выйти. Он поднялся.

Подошёл к окну. Посмотрел на мокрую дорожку, ведущую к воротам.

Потом вернулся к столу. Открыл список сотрудников утренней смены.

Нужно было предупредить людей. Отменить мероприятия.

Остановить заселение новых гостей до согласования с полицией. Позвонить поставщикам.

Объяснить, почему гостиница временно не принимает посетителей.

Работа никуда не исчезла. И именно это казалось Адаму самым страшным: человек умер, а утром всё равно нужно было отвечать на телефон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Свидетели

Воскресенье началось с попытки бегства через кухню. Мужчина в дорогом пальто и с маленьким чемоданом совсем не походил на грабителя, но, когда Бен Хьюз попросил его остановиться, бросил чемодан и побежал. Он сбил плечом стойку с полотенцами, поскользнулся на мокром полу и с грохотом врезался в дверь кладовой, закричав:

— Не трогайте меня!

Адам Уокер, услышав шум, выбежал из служебного коридора. На полу сидел Генри Уитмор.

Вокруг него были разбросаны полотенца. Бен стоял возле двери и выглядел так, словно сам не понимал, как всё произошло.

— Что случилось? — спросил Адам.

Генри попытался подняться.

— Этот юноша преградил мне выход! Я требую объяснений!

— Я не нападал! — возразил Бен.

— Он схватился за мой чемодан — или вы и это назовёте недоразумением?

— Я попросил вас подождать!

Адам посмотрел на открытый служебный выход. Потом на чемодан.

— Мистер Уитмор, почему вы выходили через кухню?

Генри поправил пальто.

— Потому что к главному входу теперь невозможно подойти без вопросов полиции. Я хотел уехать, не устраивая представления.

— Вам необходимо согласовать отъезд со следователями.

— Я не обвиняемый, мистер Уокер. И не обязан оправдывать каждый свой шаг!

— Я этого не утверждал.

— У меня поезд!

— Тогда лучше немедленно сообщить полиции, что вам нужно уехать.

Генри посмотрел на него с ненавистью.

— Вы вообще понимаете, что происходит?

Адам не ответил сразу. Перед глазами стоял Эдвард на полу кабинета, разбросанные бумаги, кровь возле виска и Бен, который не мог произнести ни слова.

— Да, — сказал Адам. — Понимаю.

Генри замолчал.

Впервые за всё утро.

В гостиной находились остальные участники конкурса. Никто не спал нормально.

Элеонора сидела у окна с чашкой нетронутого чая. Клэр смотрела на сад.

Эмили листала телефон, но, судя по неподвижному экрану, ничего не читала. Оливер Рид стоял возле камина.

Натан Брукс сидел отдельно.

Когда Генри ввели обратно, он сразу заговорил:

— Это возмутительно. Меня удерживают здесь против воли!

Элеонора подняла голову.

— Вы называете это отъездом, Генри, или всё-таки попыткой обойти полицию?

— Я пытался уехать.

— Через кухню?

— Через ближайший свободный выход. Вы можете спорить о словах сколько угодно.

Оливер посмотрел на мокрый рукав историка.

— Судя по всему, выход оказался не настолько близким, как вы рассчитывали.

Генри повернулся к нему.

— Вам смешно?

Оливер перестал улыбаться.

— Нет.

На мгновение стало тихо. Потом Натан резко поднялся.

— Послушайте, хватит уже.

Все посмотрели на него.

— Мы здесь с ночи. Эдвард мёртв, а нам только говорят ждать. Вы понимаете, как это выглядит? Каждый из нас уже подозреваемый, просто вслух никто не произносит.

Элеонора нахмурилась.

— Никто не говорил, что мы преступники.

— Тогда назовите причину, по которой мы до сих пор здесь. Не общими словами.

— Потому что полиция выясняет обстоятельства смерти, — сказала Клэр.

Натан посмотрел на неё.

— Спасибо. Я тоже умею слушать, что говорит полиция.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он отвернулся. В комнате снова стало тихо.

Адам стоял у двери.

Он чувствовал, что ещё немного — и любой обычный разговор превратится в ссору.

Но прежде чем успел вмешаться, появилась Беатрис.

— Дамы и господа. Полиция попросила вас пока оставаться доступными для бесед. Если кому-либо необходимо срочно уехать, сообщите об этом сотруднику полиции. Каждый запрос рассмотрят отдельно.

Генри открыл рот. Беатрис посмотрела на него.

— И пожалуйста, не пытайтесь самостоятельно обходить установленные ограничения доступа к помещениям.

Историк замолчал.

В девять сорок семь в гостиницу приехала инспектор Сара Беннетт.

Адам встретил её возле стойки.

Она была среднего роста, с короткими тёмными волосами и внимательным взглядом человека, который привык замечать не только ответы, но и паузы перед ними.

— Мистер Уокер?

— Да.

— Инспектор Беннетт. Мне необходимо поговорить с вами о событиях вчерашнего вечера.

— Конечно.

Она посмотрела на регистрационный журнал.

— Вы находились на смене всё время?

— С утра до прибытия полиции.

— Хорошо. Начнём с момента, когда вы узнали о происшествии.

Адам провёл Сару в небольшую переговорную и последовательно рассказал о Бене, сообщении около 22:06, вызове скорой и попытке реанимации.

Сара слушала, не перебивая. Иногда задавала уточняющие вопросы.

— Вы входили в кабинет до того, как туда прибежал Бен?

— Нет.

— Вы перемещали предметы?

— Только то, что было необходимо для оказания помощи.

— Какие именно?

Адам перечислил. Она записала.

— Вы открывали ящики стола?

— Нет.

— Поднимали бумаги?

— Нет.

— Видели орудие, которым могла быть нанесена травма?

— Нет.

— Хорошо.

Сара открыла папку с фотографиями кабинета, сделанными после прибытия полиции.

— Вы часто бывали в этой комнате?

— По работе. Но не каждый день.

Она показала снимок книжной полки за столом. На одном её конце книги стояли под углом, не опираясь на соседний предмет. Между ними и боковой стенкой оставалось свободное место.

— Вы помните, что стояло здесь раньше?

Адам присмотрелся. Расстановка книг казалась непривычной, однако он не мог сказать, когда она изменилась.

— Нет. Эдвард иногда переставлял вещи. Не хочу угадывать.

— Тогда и не будем считать, что оттуда что-то исчезло, пока не сверим фотографии и опись, — сказала Сара.

Она убрала снимок. Вопрос остался без ответа. Она подняла глаза.

— Когда вы в последний раз видели мистера Блэквуда живым?

Адам задумался.

— Вчера вечером. После проверки конкурсных документов.

— Во сколько?

— Не могу назвать точно. Примерно между семью и восемью.

— Вы разговаривали?

— Нет. Я принёс воду в комнату жюри. Он сидел за столом.

— Как выглядел?

Адам помолчал.

— Необычно тихим.

Сара подняла глаза.

— Что вы имеете в виду?

— Он обычно постоянно что-то говорил или спрашивал. Тогда смотрел на документ и почти не реагировал.

— Вы видели этот документ?

— Нет.

— Можете предположить, что это было?

— Конкурсная разгадка одного из авторов. Но я не знаю чья.

Сара сделала запись.

— Хорошо.

В это время в большой гостиной началась ссора. Не громкая.

И оттого гораздо неприятнее.

Элеонора обратилась к Натану:

— Вы ведь снова ходили к кабинету Эдварда вчера вечером?

Он резко поднял голову.

— Что?

— Я спрашиваю, пытались ли вы с ним встретиться.

— А вам какое дело?

— Вы весь день требовали разговора.

Натан встал.

— Я имел право говорить со своим издателем!

— Никто не спорит.

— Тогда зачем спрашиваете?

Элеонора посмотрела на остальных.

— Потому что после смерти Эдварда его посетители стали обстоятельством дела. Вы сами понимаете, почему я спрашиваю.

Оливер поднялся.

— Элеонора, не надо.

Она повернулась.

— Что именно?

— Обсуждать это здесь, будто мы проводим очередной конкурс.

— Я просто задала вопрос.

— И прекрасно знаете, как он прозвучал.

Натан резко рассмеялся.

— Да пусть говорит!

Он посмотрел на Элеонору.

— Хотите знать, где я был? Я был здесь. В гостинице. Как и все вы.

Клэр подняла глаза.

— Это ничего не объясняет.

Натан повернулся к ней.

— А вы что, следователь?

— Нет.

— Тогда не задавайте вопросов.

Эмили тихо произнесла:

— Может, прекратим?

Никто не услышал. Элеонора поднялась.

— Вы угрожали Эдварду после дисквалификации.

Натан побледнел.

— Я не угрожал.

— Вы сказали, что он пожалеет.

— Я сказал, что оспорю условия договора! Не превращайте деловой спор в угрозу убийством!

— Очень удобно.

Он шагнул к ней. Оливер встал между ними.

— Натан. Хватит.

— Отойди.

— Нет.

Они смотрели друг на друга. Несколько секунд.

Потом Натан резко отступил.

— Вы все сумасшедшие.

Он вышел из гостиной. Дверь захлопнулась.

Эмили закрыла глаза.

— Господи.

Оливер медленно выдохнул.

— Элеонора, это было совершенно лишним.

Она посмотрела на него.

— Я спросила о визите. Вы же слышали ответ. Почему теперь виноват мой вопрос?

— Считать человека неприятным — ещё не значит считать его убийцей.

Элеонора отвернулась. Клэр посмотрела на закрытую дверь.

— А вот теперь каждый из нас будет вспоминать вчерашний вечер так, чтобы не оказаться на его месте.

Никто не ответил. Через несколько минут Сара Беннетт вышла из переговорной.

Она услышала последние слова Клэр. Остановилась.

— Простите. Что именно вы сейчас обсуждали?

В комнате стало тихо.

Элеонора первой ответила:

— Вчерашний вечер.

— В присутствии всех?

— Да.

Сара посмотрела на неё.

— Я попрошу вас временно воздержаться от совместного обсуждения событий, которые могут иметь отношение к смерти мистера Блэквуда. Это важно для точности ваших собственных воспоминаний.

Натан, вернувшийся к двери, резко сказал:

— Видите? Я же говорил!

Сара повернулась к нему.

— Мистер Брукс?

— Да.

— Вам тоже следует соблюдать эту просьбу.

Он замолчал.

Инспектор продолжила:

— Мы будем беседовать с каждым отдельно. Если вам что-то известно, сообщайте непосредственно полиции. Не нужно предварительно выяснять, кто из присутствующих с вами согласен.

Оливер кивнул.

— Разумно.

Сара посмотрела на него.

— Спасибо.

Затем обратилась к Адаму.

— Мистер Уокер, нам потребуется комната для отдельных бесед.

— Малая библиотека подойдёт.

— Хорошо.

Она направилась туда вместе с коллегой. Первой вызвали Эмили Картер.

Она вошла в библиотеку с сумочкой в руках. Сара предложила ей сесть.

— Расскажите о вчерашнем вечере после девяти.

Эмили задумалась.

— Я сидела в гостиной.

— Одна?

— Сначала с Оливером.

— Мистером Ридом?

— Да.

— Потом?

— Мне позвонила сестра. Я вышла поговорить.

— Во сколько?

— Около девяти двенадцати.

— Можете подтвердить время?

— Да. В телефоне есть запись вызова.

— Продолжайте.

— Я разговаривала возле лестницы. Потом вернулась.

— Во сколько?

Эмили задумалась.

— Не помню точно.

— Вы видели мистера Рида, когда вернулись?

— Да.

— Где он находился?

— Возле камина.

— Вы видели, как он туда возвращался?

Эмили остановилась.

— Нет.

— То есть вы не знаете, уходил ли он из гостиной во время вашего разговора?

Она нахмурилась.

— Нет.

Сара сделала запись.

— Хорошо.

Эмили сжала сумочку.

— Но он был там, когда я ушла.

— Я понимаю.

— И когда вернулась.

— Да.

Она помолчала.

— Значит, это не алиби?

Сара посмотрела на неё.

— Это два отдельных наблюдения. Они подтверждают присутствие мистера Рида в разные моменты, но не устанавливают, где он находился между ними.

Эмили медленно кивнула. Она выглядела расстроенной.

— Я вчера сказала Беатрис, что Оливер весь вечер сидел в гостиной.

— Почему?

— Потому что мне так казалось.

Сара положила ручку.

— Это важное уточнение. Спасибо.

Эмили опустила глаза.

— Я не хотела никого вводить в заблуждение.

— Поэтому мы и просим свидетелей рассказывать о том, что они действительно видели, а не о том, как им запомнился вечер в целом.

Следующим пришёл Оливер. Он вошёл с привычной лёгкой улыбкой.

Но, заметив выражение инспектора, сел молча.

— Мистер Рид, — начала Сара, — расскажите, где вы находились вчера между девятью и десятью вечера.

Оливер задумался.

— В основном в гостиной.

— Что значит «в основном»?

— Я выходил ненадолго.

— Куда?

— Поднимался к себе.
— Зачем?
— Хотел забрать блокнот и кое-какие бумаги.
— Во сколько?
— Не помню точно.
— До или после разговора с Эмили Картер?
— После того как она вышла поговорить по телефону.
— Вы вернулись в гостиную?
— Да.
— Когда?
— Наверное, около половины десятого.
— Вы видели кого-нибудь по дороге?
Оливер помолчал.
— Кажется, нет.
— Где находилась ваша комната?
Он назвал номер. Сара сверила план.
— Вы пользовались главной лестницей?
— Не уверен. Возможно, служебной.
— Почему служебной?
Оливер пожал плечами.
— Она ближе к зимнему саду. Я мог сначала заглянуть туда.
Сара подняла глаза.
— Вы заходили в свою конкурсную постановку?
— Не помню.
— Мистер Рид, речь идёт о вчерашнем вечере.
Он перестал улыбаться.
— Я понимаю.
Несколько секунд они молчали.
Потом Оливер сказал:
— Я был очень уставшим после конкурса. Ходил по гостинице, разговаривал с людьми. Не думал, что придётся запоминать каждую минуту.
Сара кивнула.
— Это понятно.
Она сделала пометку.
— Но постарайтесь восстановить порядок. Это важно.
Оливер посмотрел на неё.
— Вы думаете, я мог встретить Эдварда?
— Я спрашиваю, где вы находились.
Он немного помолчал.
— Нет. Я с ним не встречался.
Сара подняла глаза.
— Вчера вечером вообще?
— После конкурса — нет.
Она записала ответ.
— Хорошо.

К половине первого в гостинице уже стало ясно, что совместные разговоры участников мешают расследованию. Элеонора пыталась доказать, что Натан был наиболее подозрительным.

Натан утверждал, что Элеонора сама угрожала Эдварду. Генри требовал отпустить его на поезд.

Клэр отказывалась обсуждать собственный вечер с остальными. Эмили почти не выходила из номера.

А Оливер неожиданно стал человеком, к которому все обращались за советом. Не потому, что знали его лучше остальных.

Просто он умел слушать. Натан сел рядом с ним в гостиной.

— Ты же понимаешь, что они пытаются повесить всё на меня?

Оливер посмотрел на него.

— Кто?

— Элеонора. Остальные.

— Полиция пока никого не обвиняла.

— Но они думают.

Оливер помолчал.

— Тогда лучше не давать им новых причин.

Натан поднял глаза.

— Ты тоже считаешь, что я мог это сделать?

— Я считаю, что сейчас тебе нужно успокоиться и рассказать следователям всё, что помнишь.

Натан отвернулся.

— Прекрасно. Ещё один умный совет.

Оливер не стал спорить. Он посмотрел на камин.

Некоторое время сидел молча.

Потом сказал:

— Натан, люди очень любят простые объяснения.

Тот повернулся.

— Что?

— Когда происходит что-то ужасное, всем хочется найти человека, на которого можно указать пальцем. Желательно такого, кто уже успел всем надоесть.

Натан смотрел на него.

— И что мне делать?

Оливер пожал плечами.

— Не становиться таким человеком ещё сильнее.

Натан впервые за утро улыбнулся.

— У тебя отвратительный способ поддерживать людей.

— Зато бесплатный.

Во второй половине дня Сара Беннетт попросила показать ей служебные журналы гостиницы. Адам подготовил записи.

Ремонт кофейной тележки. Отключение освещения.

Заявки на обслуживание. Время доставки напитков.

Перемещения сотрудников, если они были зафиксированы. Инспектор изучала всё внимательно.

— В двадцать один пятнадцать была запланирована общая подача кофе?

— Да.

— Она состоялась?

— Нет.

— Почему?

Адам показал запись.

— Тележка была неисправна. Мы отменили сервировку в двадцать пять минут девятого.

Сара посмотрела на время.

— Двадцать пять минут девятого?

Адам исправился:

— Без пяти девять. В 20:55.

Инспектор кивнула.

— А кофе вообще не подавали?

— Подавали индивидуально, по заказам.

— На подносах?

— Да.

Сара сделала запись.

— Хорошо.

Она перевернула страницу.

— Теперь об отключении электричества.

Адам показал следующую запись.

21:23 — частичное отключение.

21:43 — восстановление.

— Какие помещения остались без света?

Он перечислил. Служебная лестница.

Часть восточного коридора. Кладовая.

— Кабинет мистера Блэквуда?

— Нет. Там освещение работало.

— Гостиная?

— Тоже.

Сара кивнула.

— Значит, отключение не могло полностью скрыть происходящее в кабинете.

— Нет.

— Но могло затруднить перемещение по некоторым коридорам?

— Да.

— Хорошо.

Она закрыла журнал.

— Спасибо.

Адам посмотрел на неё.

— Вы думаете, отключение связано с его смертью?

Сара не ответила сразу.

— Пока мы не знаем. Но обязаны проверить все обстоятельства, которые могли повлиять на наблюдения свидетелей.

Поздно вечером Адам остался один возле стойки. В гостинице было тише обычного.

Полиция продолжала работать. Часть помещений оставалась закрытой.

Постояльцы говорили шёпотом. Адам открыл журнал.

Пятница — подготовка конкурса.

Суббота — соревнование.

Воскресенье — смерть владельца и полицейские опросы.

Нет. Он остановился.

Смерть произошла в субботу. Сейчас было воскресенье.

Ему пришлось перечитать строку. Он так устал, что начал путать не только часы, но и дни.

Адам исправил запись. Потом посмотрел на список сотрудников.

Луиза. Нора.

Бен. Грэм.

Люди, которые вчера занимались обычной работой. Кофе.

Полотенца. Освещение.

Счета. И никто из них не предполагал, что к концу вечера гостиница станет местом расследования убийства.

Адам закрыл журнал. В коридоре послышались шаги.

Оливер Рид подошёл к стойке.

— Не спите?

— Пока нет.

— Я хотел попросить воды.

Адам налил стакан. Оливер взял его.

— Спасибо.

Несколько секунд стоял молча.

Потом сказал:

— Странно.

— Что?

— Вчера мы соревновались, кто лучше умеет придумывать убийства.

Адам посмотрел на него. Оливер опустил глаза.

— А теперь я не могу представить, как кто-то мог сделать это по-настоящему.

Он выпил воду. Поставил стакан.

— Спокойной ночи, Адам.

— Спокойной ночи.

Оливер ушёл. Адам остался у стойки.

Ему почему-то вспомнилась утренняя ссора в гостиной. Элеонора обвиняла Натана.

Натан подозревал остальных. Каждый пытался доказать собственную невиновность.

Но никто не мог объяснить главное.

Почему Эдвард Блэквуд умер в комнате, где ещё вечером собирался читать чужие истории об убийствах?

Адам посмотрел на закрытый административный коридор. Ответа не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пока никто не смотрит

В понедельник утром в «Блэквуд-Мэнор» явился водитель грузового фургона и потребовал вернуть ему покойника.

— Какого именно? — уточнил Адам Уокер, хотя уже догадался.

— В синем костюме. Из двести шестого, — ответил невысокий широкоплечий мужчина в оранжевой куртке, помахивая накладной.

Постоялица, спускавшаяся по лестнице, замерла. Адам наклонился через стойку и понизил голос:

— Манекен. Вы приехали за манекеном.

— Ну да. Забор на девять, а у меня ещё три адреса.

Адам сверился с распоряжением полиции. До окончания осмотра вывозить конкурсный реквизит запрещалось. Он объяснил это водителю, позвонил ответственному сотруднику следствия и получил тот же ответ, затем согласовал с прокатной фирмой перенос выдачи. Водитель ушёл недовольным, но без манекена.

Адам едва успел закрыть журнал, когда позвонила Нора Финч.

— Кто открыл кладовую с декорациями?

— Я никому не разрешал.

— Тогда поднимайся. Там Брукс.

Было девять четырнадцать. Кладовая за малой библиотекой стояла приоткрытой; за дверью шуршал картон. Нора ждала в коридоре, прижимая к груди связку полотенец.

— Я сказала ему не трогать, — тихо произнесла она.

Натан Брукс вышел из кладовой с папкой под мышкой.

— Это моя рукопись, — объявил он прежде, чем Адам успел спросить. — И я её забираю.

— Пока материалы конкурса проверяют, выдачу согласовывают с полицией. Положите папку обратно, пожалуйста.

— Вы собираетесь задержать меня из-за листов бумаги?

Адам не приблизился и не попытался вырвать папку. В коридоре было тесно, Нора стояла у выхода, а Натан и без того кипел от злости.

— Я не собираюсь вас задерживать. Но если вы уйдёте с вещами из закрытого помещения, мне придётся сообщить, что именно произошло. Полиция уже работает в гостинице.

Натан посмотрел на папку, словно только сейчас заметил её у себя в руках. Положил на ближайший стол — слишком резко, но всё же положил.

— Довольны?

— Теперь прошу вас выйти и ничего больше не перемещать.

В этот момент появился Генри Уитмор. Увидев раскрытые коробки, он остановился посреди прохода.

— Мои карты тоже здесь. Кто разрешил ему входить?

— Не беспокойтесь, — отозвался Натан. — Ваши бесценные карты никому не нужны.

— Вы вообще не имеете права к ним приближаться!

— Да что с вами всеми?! — Натан ударил ладонью по косяку. Нора вздрогнула.

Адам встал так, чтобы между спорщиками осталось место.

— Мистер Брукс, разговор продолжится в коридоре. В противном случае я попрошу инспектора вмешаться.

Натан ещё несколько секунд смотрел на Генри, затем опустил руку и ушёл. Историк требовал немедленно проверить свои материалы. Адам пообещал передать требование полиции и закрыл кладовую, не пытаясь самостоятельно раскладывать вещи по местам.

Через десять минут приехала Сара Беннетт с Миллером. Нора объяснила, что застала Натана в кладовой; Адам подтвердил только то, что увидел сам: открытую дверь, писателя с папкой и несколько раскрытых коробок. Он не видел, как Натан брал папку или прикасался к остальному реквизиту.

— Значит, перемещение других вещей вы подтвердить не можете, — уточнила Сара.

— Нет.

Инспектор осмотрела обложку: «Брукс. Рабочие материалы». Миллер сверил расположение коробок с описью, не давая сотрудникам ничего переставлять.

— У кого ключ? — спросила Сара.

Адам перечислил работников, имевших доступ. Замок был обычным служебным; после доставки декораций дверь могли оставить незапертой. Сара велела это проверить и ещё раз предупредила: даже реквизит с оформленными накладными не отдавать без разрешения.

— Фирму уже предупредил. Утром приезжал водитель за манекеном.

— Хорошо. Теперь поговорим с мистером Бруксом.

Натан сидел в малой гостиной, откинувшись в кресле. Когда Сара положила перед ним папку, он сразу сказал:

— Я ничего не украл.

— Я пока вас в этом не обвиняла. Почему вы не обратились к администрации за выдачей?

— Потому что мне отказали бы. Там мои черновики, заметки, список реквизита. Я хочу уехать и не желаю, чтобы чужие люди читали их по очереди.

— Кто-то уже пытался получить доступ к вашим бумагам?

Натан замялся. Назвать человека он не смог.

— После дисквалификации на меня смотрят как на убийцу, — сказал он наконец. — А моя постановка вообще не имеет отношения к смерти Эдварда.

Сара не стала спорить. Она попросила его перечислить содержимое папки и уточнить перемещения в субботу вечером. Натан раздражённо напомнил, что уже давал показания, но всё-таки начал отвечать.

Пока полиция беседовала с Натаном, Адам вернулся к стойке. Эмили Картер ждала у окна с таким видом, словно ночь прошла без сна.

— Мою постановку уже собираются разбирать? — спросила она.

— Пока нет. Реквизит сохраняют до разрешения полиции.

Эмили выдохнула с облегчением, но уходить не спешила.

— Я всё думаю о субботе. Мы соревновались, у кого получится самое убедительное убийство. А теперь даже заходить в двести шестой не хочу.

Ей стало неловко за собственные слова. Адам не нашёл для них утешительного ответа и не стал предлагать его. Эмили поблагодарила его за сохранённые материалы и ушла.

Ещё два дня назад писатели спорили о находчивости преступников и достоинствах разгадок. Теперь каждый осторожно выбирал слова, чтобы не оказаться похожим на собственного персонажа.

В одиннадцать двадцать Сара попросила план служебных помещений. Миллер разложил планшет возле входа в административный коридор; Адам показал основной путь через холл и обходной — мимо кухни, к лестнице и кабинету Блэквуда.

— Этим проходом пользовались только сотрудники? — спросила инспектор.

— Обычно да. Но гость тоже мог пройти, если дверь оставалась открытой.

Во время частичного отключения электричества с 21:23 до 21:43 резервные светильники продолжали гореть. Основная камера в холле не захватывала служебный коридор; камеры на самом узком участке не было.

Миллер провёл пальцем по схеме.

— Значит, человек мог попасть в административную часть из гостиной и вернуться, не появившись в кадре.

— Мог, — подтвердил Адам. — Но из этого не следует, что кто-то так и поступил.

Сара сделала пометку рядом с дверью:

— Поэтому нам нужны свидетельства движения, а не только план здания.

К полудню следствие установило, что из кладовой Натан пытался вынести собственную папку. По описи и результатам осмотра остальные материалы оставались на местах. Папку сохранили для проверки, объяснение писателя записали, после чего разрешили ему вернуться в номер.

У стойки Натан задержался, словно хотел снова начать спор, но вместо этого тихо спросил:

— Вы видели Бена? Я напугал его в субботу, когда разбилась рамка. Не хотел.

— Лучше скажите ему сами.

— Скажу.

Он уже направился к лестнице, потом вернулся.

— Адам, вы ведь знаете, почему меня дисквалифицировали. Эдвард мог уничтожить мою карьеру. Вы понимаете?

— Я знаю, что у вас был серьёзный конфликт. При вашем разговоре я не присутствовал.

Натан усмехнулся: слово «конфликт» прозвучало для него слишком бескровно. Тем не менее спорить он не стал и поднялся наверх.

Около двух часов Сара вернулась к стойке с вопросом, который сперва показался Адаму не связанным ни с кладовой, ни с убийством.

— В субботу вы отменили кофейную тележку?

— Да. У неё сломалось колесо; техник посоветовал не выпускать её в зал. Замены я не назначал, в журнале её нет. Напитки разносили на подносах.

— А другую тележку могли взять без вашего распоряжения?

— Теоретически. Но я об этом не знаю.

Сара закрыла блокнот. Она собиралась уточнить обслуживание у Норы и вечерней смены: кто-то из свидетелей описал сервировку, которой, согласно записям, не было.

Когда инспектор ушла, Адам снова открыл субботний журнал. Строка о неисправном колесе выглядела такой же будничной, как и в день записи. Теперь это была точка, за которую следствие могло ухватиться при проверке чужой памяти.

Вечером Адам встретил Оливера у большой гостиной. Писатель держал чашку чая и смотрел на лестницу, по которой несколько часов назад поднялся Натан.

— Его снова допрашивали?

— Инспектор разговаривает со всеми, — ответил Адам.

— Бедный парень. Мне кажется, он просто перепуган.

— Он вошёл в закрытую кладовую и попытался забрать материалы.

— Не оправдываю его. — Оливер опустил взгляд на чашку. — Но страх толкает людей на глупые поступки.

Адам невольно вспомнил разговор с Харпером после пожара. В тот раз страх тоже оказался удобным объяснением. Он не стал говорить об этом.

— Забавное соревнование у нас получилось, — продолжил Оливер. — В субботу каждый доказывал, что умеет придумать преступника. Сейчас каждый боится, что преступником сочтут его самого.

— Не думаю, что кому-то смешно.

— Мне тоже, — сказал Оливер. Он поставил чашку на подоконник, но тут же забрал её. — Спокойной ночи.

Адам остался у окна ненадолго. В гостиной стихли голоса, а на стойке ждала новая стопка поручений: звонки поставщикам, смены персонала, согласования с полицией. Он вернулся к журналу и открыл следующую страницу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Синяя ручка

В понедельник утром, в одиннадцать часов двадцать минут, Сара Беннетт положила перед своим напарником фотографию, на которой была изображена обыкновенная перьевая ручка.

Синяя.

С серебристым колпачком.

На колпачке были выгравированы две буквы:

Н. Б.

— Что можно утверждать по этому снимку? — спросила инспектор.

Детектив Миллер наклонился.

— Похоже на ручку Брукса: синий корпус, серебристый колпачок.

— На каком основании связываете её с ним?

— Инициалы.

— Тогда сперва установим владельца. Одних букв мало.

Миллер поднял глаза.

— Свидетель видел у Брукса похожую ручку.

— Это основание для проверки, — согласилась Сара. — Не для вывода.

Сара положила рядом вторую фотографию.

На ней был кабинет Эдварда Блэквуда после обнаружения тела.

Опрокинутое кресло.

Бумаги на ковре.

Приоткрытый ящик.

Возле ножки кресла — тот самый синий предмет.

— Её обнаружили при первоначальном осмотре, — сказала инспектор. — Сфотографировали до перемещения предметов. Сейчас получили результаты первого исследования.

— Отпечатки?

— Частичные следы. Пока ничего, что можно было бы считать самостоятельным доказательством принадлежности.

— А инициалы?

— Они позволяют проверить владельца.

Миллер посмотрел на фотографию.

— Значит, Брукс был в кабинете.

— Мы установили место находки ручки, а не присутствие владельца, — сказала Сара.

Миллер посмотрел на снимок ещё раз.

— Тогда проверяем, когда она туда попала.

Миллер задумался.

— Место находки всё равно важно: рядом с креслом. При борьбе могла выпасть.

— Или лежала там задолго до неё. Обе версии должны остаться в протоколе, — ответила Сара.

Она убрала их в папку.

— Найдите всё, что у нас есть о контактах Брукса с Эдвардом до субботнего вечера.

Адам Уокер в это время пытался объяснить постояльцу, почему гостиница не может предоставить номер с видом на сад, если все номера с видом на сад временно закрыты для заселения.

— Но я бронировал именно такой, — возразил мужчина.

— Понимаю. Мы можем предложить другой номер или оформить полный возврат.

— Я хочу тот, который бронировал.

Адам посмотрел на экран.

— Сейчас он недоступен.

— По какой причине?

Адам выдержал паузу.

— Из-за ограничений, связанных с проводимыми в гостинице официальными действиями.

Постоялец нахмурился.

— Это из-за убийства?

Адам не ответил сразу.

— Из-за обстоятельств, которые пока проверяются.

Мужчина посмотрел на лестницу.

— Значит, убийство действительно было.

— Владелец гостиницы умер. Расследование продолжается.

Постоялец помолчал.

Потом неожиданно спросил:

— А скидку дадите?

Адам почувствовал, что начинает понимать Эдварда Блэквуда.

Не во всём.

Но в отдельных вопросах управления гостиницей — определённо.

— Мы можем предложить другой номер по более низкой стоимости.

Мужчина подумал.

— Покажите.

Адам передал ему список.

В этот момент подошла Нора.

Она подождала, пока разговор закончится.

Затем наклонилась к администратору.

— Адам, у нас проблема.

Он посмотрел на неё.

— Какая?

— Грэм нашёл в старой кладовой воду.

— Много?

— Пока немного.

— Откуда?

— Не знает.

Адам закрыл регистрационную форму.

— Сейчас посмотрю.

В кладовой западного крыла действительно была вода.

Она собиралась у стены, рядом с металлическим шкафом.

Грэм стоял на коленях и проверял соединение трубы.

— Не трогай ничего, — сказал он, когда Адам вошёл.

— Не собирался.

— Старая подводка дала течь.

— Можно перекрыть?

— Уже перекрыл.

Адам посмотрел на мокрый пол.

— Повреждения серьёзные?

— Пока нет. Но если бы заметили завтра, пришлось бы менять покрытие.

Он выпрямился.

— Кстати, в шкафу лежат старые материалы после ремонта. Их надо перенести в сухое место.

Адам посмотрел на шкаф.

— Они относятся к западному крылу?

— Похоже.

— Тогда сначала проверим опись. Часть документов сейчас интересует полицию.

Грэм вытер руки.

— Я что, теперь даже старый кабель выбросить не могу?

— Кабель можешь. Архивные папки — пока нет.

Техник покачал головой.

— Никогда не думал, что самое опасное в моей работе — бумага.

Адам сделал фотографии протечки для технического отчёта.

Затем связался с Мартой Хейл, отвечавшей за хозяйственный архив.

Она обещала прийти и проверить содержимое шкафа.

Адам поставил временное ограждение у мокрого участка и вернулся к стойке.

Никаких загадочных находок.

Только протекающая труба, которую теперь нужно было чинить.

Сара Беннетт появилась в гостинице около полудня.

Она попросила Адама пройти в малую библиотеку.

На столе уже лежала фотография ручки.

Адам сел.

— Мистер Уокер, посмотрите, пожалуйста.

Он наклонился.

Узнал предмет почти сразу.

— Это ручка Натана Брукса.

Сара не стала записывать ответ.

— Почему вы так считаете?

— Я видел её у него.

— Когда?

— В пятницу при заселении. И в субботу около семи вечера, когда он требовал встречи с Эдвардом. Ручка была у него в пальцах; перед уходом он убрал её в карман.

— Вы видели надпись на колпачке в тот вечер?

— Нет. Только цвет и форму.

— Можете описать отличительные признаки?

— Синяя, серебристый колпачок. На нём, кажется, инициалы.

— Какие?

— Н. Б.

Сара кивнула.

— Хорошо.

Она положила перед ним вторую фотографию.

— Где находится ручка на этом снимке?

Адам посмотрел на кабинет.

— Возле кресла.

— Вы видели её там до обнаружения тела?

— Нет.

— А раньше в кабинете?

Он задумался.

Суббота.

Разговоры.

Натан.

Эдвард.

Рабочие бумаги.

Адам медленно покачал головой.

— Не помню.

Сара немного помолчала.

— Хорошо. Не нужно угадывать.

Она убрала фотографию.

— Теперь вспомните, пожалуйста, когда мистер Брукс заходил к владельцу гостиницы до дисквалификации.

Адам перечислил известные ему посещения.

Одно в пятницу.

Ещё одно в субботу днём.

— Вы присутствовали при встречах?

— Нет. Только видел его в коридоре.

— А после одной из встреч он оставлял какие-нибудь вещи?

Адам задумался.
— Не знаю.
— Хорошо.
Инспектор сделала запись.
— Спасибо.
Он уже собирался подняться, когда она спросила:
— Вы понимаете, почему мы изучаем эту ручку?
Адам посмотрел на неё.
— Потому что она могла принадлежать человеку, у которого был конфликт с Эдвардом.
— Верно.
— И потому что находилась рядом с опрокинутым креслом.
— Да.
Он немного помолчал.
— Но вы пока не знаете, когда она там оказалась.
Сара кивнула.
— Именно.
Натан Брукс вошёл в малую библиотеку в два часа пятнадцать минут.
Он выглядел невыспавшимся.
Сара предложила ему сесть.
Миллер находился рядом.
На столе лежала фотография ручки.
Натан увидел её.
И сразу остановился.
— Где вы её нашли?
Сара посмотрела на него.
— Сначала скажите, узнаёте ли предмет.
— Да.
— Это ваша ручка?
— Да.
— Уверены?
— Конечно.
— Когда вы видели её в последний раз?
Натан задумался.
— В субботу.
— Где?
— Не помню.
— Пользовались ей?
— Да. Я постоянно ею пишу.
— Вы приносили её в кабинет мистера Блэквуда?
Натан поднял глаза.
— Возможно.
— Когда?
— Днём. Я заходил к нему после того, как меня исключили.
— Для чего?
— Поговорить.
— О чём?
— О конкурсе.
Сара не ответила.
Натан посмотрел на фотографию.

— Где её нашли?

— В кабинете мистера Блэквуда.

Он побледнел.

— Что?

— Возле его рабочего кресла.

Натан некоторое время молчал.

Затем резко произнёс:

— Я ничего не делал!

— Я не задавала вам этого вопроса.

— Но вы поэтому меня вызвали!

Сара выдержала паузу.

— Мистер Брукс, мне необходимо установить, когда ваша ручка могла попасть в кабинет.

Он сжал руки.

— Я мог оставить её днём.

— Почему?

— Мы обсуждали документы.

— Какие?

Натан не ответил.

Сара подождала.

— Мистер Брукс?

— Личные.

— Ваши?

— Да.

— Вы можете уточнить?

Он посмотрел в сторону окна.

— Это касается издательских договоров.

— И поэтому вы пользовались ручкой?

— Возможно.

Сара внимательно посмотрела на него.

— Вы подписывали что-нибудь?

Натан молчал.

— Или собирались подписать?

Он резко поднял глаза.

— Я не обязан рассказывать о каждом договоре, который обсуждал со своим издателем!

— Вы вправе получить юридическую помощь. Но сейчас мы проверяем обстоятельства смерти человека, в кабинете которого обнаружена ваша вещь.

Натан посмотрел на фотографию.

— Она могла пролежать там несколько часов!

— Могла, — сказала Сара. — Поэтому мы выясняем не только чья она, но и когда вы её оставили.

Он замолчал.

Сара положила фотографию обратно в папку.

— Вы хотите дополнить свой ответ о документах?

Натан некоторое время смотрел на неё.

Потом тихо сказал:

— Нет.

После разговора он вышел в вестибюль.

Адам находился за стойкой.

Натан подошёл к нему.

— Вы видели у меня синюю ручку, да? С серебристым колпачком?

— Да.

— В пятницу.

— Да.

— И в субботу.

— Да.

Натан посмотрел на него.

— Вы помните, чтобы я оставлял её у Эдварда?

Адам помолчал.

— Нет.

Писатель резко выдохнул.

— Прекрасно.

— Я не помню этого, Натан. Но не могу утверждать, что вы её не оставляли.

— Понимаете, как это выглядит?

— Да.

Он провёл рукой по лицу.

— Меня исключили из конкурса. Я спорил с издателем. Теперь находят мою ручку возле его тела.

Адам молчал.

Натан посмотрел на него.

— Как будто кто-то специально старается сделать меня виновным.

— Это одна из причин, почему важно установить, когда ручка оказалась в кабинете.

Писатель устало рассмеялся.

— Вы разговариваете точно как инспектор.

— Она задаёт правильные вопросы.

Натан опустил голову.

Потом отошёл от стойки.

И впервые за всё время знакомства не попытался оставить последнее слово за собой.

Вечером Сара снова изучала фотографии кабинета.

На одном снимке ручка лежала возле ножки кресла.

На другом было видно её положение относительно рассыпанных документов.

Миллер сидел напротив.

— Если она выпала из кармана во время борьбы, — сказал он, — её положение вполне объяснимо.

— Да.

— А если осталась после дневной встречи?

— Тоже возможно.

Он посмотрел на фотографию.

— Но она лежит на полу.

Сара подняла глаза.

— И?

— Значит, кто-то мог её уронить.

— Верно.

— Или она упала со стола, когда кресло опрокинулось.

Сара кивнула.

— Вот это уже полезная версия.

Она положила рядом снимок рабочего стола.

— Посмотрите.

На поверхности находились бумаги.

Часть лежала ровно.

Часть была сдвинута.

Один край стола оставался почти пустым.

— Если ручка находилась на столе, — сказала Сара, — при резком движении предметов она могла упасть.

Миллер посмотрел на фотографии.

— Но мы не знаем, лежала ли она там.

— Именно.

Она убрала снимки.

— Поэтому не будем превращать её положение в доказательство борьбы.

Миллер задумался.

— Тогда что нам даёт эта улика?

— Подтверждает, что личная вещь Натана оказалась в кабинете. И заставляет проверять его контакты с Эдвардом.

— Но не устанавливает время.

— Пока нет.

Сара закрыла папку.

— Значит, нужно искать другие сведения, которые помогут определить, когда ручка могла быть оставлена.

Поздно вечером Адам закончил смену.

Он проходил мимо большой гостиной, когда заметил Оливера Рида.

Писатель сидел возле камина.

Перед ним лежал блокнот.

Но он ничего не писал.

Адам остановился.

— Всё в порядке?

Оливер поднял глаза.

— Да.

Он посмотрел на блокнот.

— Пытаюсь работать.

— Получается?

— Не особенно.

Адам кивнул.

Писатель закрыл блокнот.

— Слышал, у Натана снова неприятности.

— Полиция продолжает проверять обстоятельства.

Оливер помолчал.

— Бедный парень.

Адам посмотрел на него.

— Вы часто это говорите.

— Что именно?

— Что вам его жаль.

Оливер улыбнулся.

— Наверное, потому что он очень старается сделать так, чтобы его никто не жалел.

Адам задумался.

— Возможно.

Писатель посмотрел в огонь.

— Знаете, что мне не нравится в настоящих расследованиях?

— Что?

— Там человек может выглядеть виновным просто потому, что уже сделал много глупостей.

Адам ничего не ответил.

Оливер продолжил:

— В книгах автор хотя бы обязан дать читателю возможность разобраться.

Он посмотрел на администратора.

— А в жизни?

Адам подумал о ручке.

О фотографии.

О Натановых ссорах.

— В жизни тоже нужно проверять факты.

Оливер кивнул.

— Наверное.

Он снова открыл блокнот.

Адам направился к выходу.

Но прежде чем уйти, обернулся.

— Оливер.

— Да?

— Вы ведь сами говорили, что хорошая загадка должна быть честной.

Писатель улыбнулся.

— Говорил.

— Тогда остаётся надеяться, что эта тоже окажется такой.

Оливер некоторое время смотрел на него.

Потом медленно кивнул.

— Да.

Адам ушёл.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тихая гавань

Первое письмо от Джоан Элеонора Грей получила в семнадцать лет. Сестра прочитала её школьный рассказ и написала всего три предложения:

«Я прочитала твою историю. Убийца слишком очевиден. Если хочешь, чтобы читатель поверил в ложь, сначала заставь его поверить в человека, который её произносит».

Подпись была короткой: «Джоан».

Элеонора сохранила письмо вместе с тетрадями, планами вымышленных преступлений и нарисованной сестрой картой приморского городка. Когда в 2004 году вышла её первая книга, «Тихая гавань», в конце стояла строка: «Карты и дополнительные материалы — Джоан Грей». Роман продавался плохо. Позже появились другие книги, переиздания, переводы, экранизация; имя Элеоноры узнавали всё чаще, а имя Джоан печатали всё реже.

В понедельник, в восемь сорок утра, вместе с завтраком под дверь номера просунули газету. На первой полосе была фотография гостиницы и заголовок: «СМЕРТЬ ИЗДАТЕЛЯ НА КОНКУРСЕ ДЕТЕКТИВОВ: ПОЛИЦИЯ ОПРАШИВАЕТ УЧАСТНИКОВ».

Автор перечислил всех шестерых приглашённых писателей. Прямых обвинений не было, зато отдельной строкой упоминался профессиональный конфликт между Эдвардом Блэкву-

дом и одной из участниц. Элеонора перечитала эту строку дважды, прежде чем набрать номер сестры.

— Джоан, это я. Ты видела новости?

— Да.

— Я хотела предупредить тебя, прежде чем журналисты начнут звонить.

— Предупредить о чём? Что они узнают про наш спор?

Элеонора села на край кровати. Внизу страницы улыбался Эдвард — снимок, сделанный ещё при жизни, с идеально расправленными плечами.

— Я не имею отношения к его смерти.

— Я тебя не обвиняла. Если спросят, расскажи правду.

— Ты же знаешь, это не так просто.

— Для тебя никогда не бывает просто, когда речь идёт обо мне, — ответила Джоан. — Я не хочу говорить сегодня.

Элеонора попыталась произнести её имя ещё раз, но в трубке уже зазвучали короткие гудки. Газета осталась открытой на столе. Чтобы не видеть фотографию Эдварда, она перевернула страницу.

Адам Уокер узнал о публикации через двадцать минут — когда на стойку позвонила журналистка из «Йоркшир Кроникл».

— Вы подтверждаете, что один из писателей угрожал мистеру Блэквуду?

— Я не комментирую личные обстоятельства гостей. Вопросы расследования — к полиции, — ответил Адам.

Второй звонивший представился телевизионным репортёром. Третий работал на интернет-издание. Четвёртый не назвал редакцию, зато предложил заплатить за имена тех, кого опрашивает полиция. Ему Адам не ответил вовсе.

Он позвонил управляющему.

— Джеймс, сотрудникам нужна утверждённая позиция для прессы. И предупреждение: никаких разговоров о постояльцах, даже «неофициально».

— Юристы готовят текст, — сказал Харпер после паузы. — Я разошлю его сам.

Адам записал поручение и посмотрел на часы: девять двадцать. В гостинице ещё подавали завтрак, а обычная работа уже успела превратиться в оборону от телефонных звонков.

В десять пятнадцать в гостиницу приехали Сара Беннетт и Миллер. Последний нёс плоскую картонную коробку с номерной биркой; Адам заметил её, но не спросил, что внутри.

— Нам нужна комната для документов и раннее издание «Тихой гавани», — сказала Сара.

Малую библиотеку Адам предоставил сразу. За книгой пришлось идти в читальный зал: новые романы участников стояли на витрине, старые — в шкафу под стеклом. Он достал тёмно-зелёный том с потускневшим золотым названием и датой первого издания — 2004.

Инспектор перелистала его до карты вымышленного города. Под рисунком мелким шрифтом значилось: «Картографические материалы — Джоан Грей».

— Вот, — тихо сказал Миллер.

— Книга из нашего фонда, — уточнил Адам. — Она числится в каталоге.

Сара вернула экземпляр на полку. Если его понадобится изъять, следствие оформит это отдельно.

— Вас интересует карта? — спросил Адам.

— История прав на неё. И отношения миссис Грей с издателем.

Адам взглянул на выцветший корешок. Он никогда не читал этот роман. Ещё неделю назад мысль открыть детектив в свободный вечер казалась ему разумной; теперь он предпочёл бы что угодно, кроме очередного преступления на бумаге.

Элеонора отправила Блэквуду первое официальное письмо за четыре месяца до конкурса. Затем последовали второе, более резкое, и претензия от юриста. Четвёртое письмо она составила сама:

«Если вы продолжите утверждать, что все права были переданы без ограничений, мне придётся публично изложить обстоятельства создания первых книг».

Ни одно письмо не угрожало физической расправой, но конфликт был реальным. Издательство готовило юбилейное переиздание «Тихой гавани»: новую обложку, дополнительную главу и переработанную карту. В предварительном макете имя Джоан исчезло.

— Мотив для ссоры у неё есть, — сказал Миллер.

— И повод проверить субботний вечер, — уточнила Сара. — Письмо не устанавливает, что она делала после разговора с Блэквудом.

В одиннадцать сорок Элеонора вошла в малую библиотеку со своим экземпляром «Тихой гавани». Она была в тёмно-синем платье и держала книгу за корешок так крепко, что пальцы побелели.

— Хочу закончить этот разговор как можно скорее, — сказала она, садясь. — Полагаю, отказаться я всё равно не могу.

— Это добровольная беседа, — ответила Сара. — Вы можете пригласить юриста. Меня интересуют права на ваши первые три романа и отношения с мистером Блэквудом.

Элеонора объяснила, что Джоан создала карты, иллюстрации и некоторые справочные материалы для вымышленных мест. В первых изданиях вклад сестры указывали; затем издательство перестало делать это последовательно.

— Почему вы не возражали сразу? — спросила инспектор.

— Потому что я думала о следующей книге. О том, согласится ли кто-нибудь её напечатать.

— Блэквуд использовал вашу зависимость от издательства?

— Да. Но я подписывала договоры, инспектор. Иногда даже не понимая, что именно там написано. Я не хочу делать вид, будто мне ничего не было известно.

Сара дала ей договорить. Элеонора положила книгу на колени и продолжила:

— Когда появились деньги, Эдвард решил, что раз вклад Джоан описан недостаточно точно, его можно считать несущественным. Она не требует памятника. Она хочет видеть своё имя.

— И возмещения?

— Я не знаю, чего она захочет после всего, что произошло.

Разговор перешёл к субботе.

— Вы встретились с Блэквудом около двадцати двадцати, возле библиотеки?

— Да. Я потребовала остановить переиздание до согласования с Джоан. Он заявил, что мои юридические основания сомнительны.

— После этого вы входили в кабинет?

— Нет. Поднялась к себе, потом спустилась к большой гостиной. Кажется, разговаривала с Генри: он опять обсуждал планы здания.

— Он подтвердит время?

— Этого я не знаю.

Сара записала ответ. Элеонора заметила, что инспектор не собирается ни соглашаться с ней, ни успокаивать.

— Я могла ненавидеть Эдварда и всё же не желать ему смерти, — сказала писательница. — Вы ведь это понимаете?

— Понимаю. Поэтому я спрашиваю не только о ваших чувствах, но и о том, где вы были.

Элеонора отвела взгляд. Ей явно хотелось возразить, но спорить с этим было нечего.

В полдень Адам заметил пустую витрину в гостиной. Ещё утром там стоял экземпляр «Тихой гавани»; теперь полка пустовала, а в журнале выдачи не было ни одной записи.

— Ты переставлял книги? — спросил он Бена.

— Нет. Может, Нора?

Книгу они нашли на столике у камина, под чьей-то чашкой. Обложка отсырела. Адам снял чашку, принёс роман к стойке и раскрыл, чтобы проверить страницы. Между листами лежала старая закладка с рисунком маяка. Под рисунком аккуратным почерком было выведено: «Для Элеоноры. Чтобы ты не забывала, куда возвращаться. Джоан».

Эта находка не имела очевидного отношения к убийству. Адам не фотографировал её и не строил догадок: отметил повреждение библиотечного экземпляра и оставил книгу просыхать, чтобы позже спросить у писательницы о закладке.

Когда Элеонора спустилась, он показал том. Она замерла, увидев обложку.

— Где вы его нашли?

— У камина. На нём стояла чашка. Вы оставляли внутри закладку?

Элеонора перелистнула страницы, нашла маяк и провела большим пальцем по краю бумаги.

— Джоан рисовала их, когда мы были детьми. Она говорила, каждому нужно место, куда можно вернуться. Даже если такое место существует только на бумаге.

— Красивое правило, — сказал Адам.

— Довольно глупое, — возразила она, но прежней резкости в голосе уже не было.

Он объяснил, что увидел надпись случайно, проверяя страницы. Элеонора поблагодарила его и унесла книгу наверх. В её руках роман перестал быть предметом профессионального спора; это была вещь, когда-то созданная двумя сёстрами. Адам подумал об этом, возвращаясь к журналу, и не стал записывать никакой вывод: наблюдать человека — не то же самое, что доказывать его виновность.

Вечером Натан Брукс встретил Элеонору возле лестницы.

Он увидел книгу у неё в руках.

И усмехнулся.

— Решили перечитать собственный шедевр?

Элеонора остановилась.

— Мистер Брукс, не сегодня.

— Почему? Сегодня у нас все любят обсуждать чужие недостатки.

Она посмотрела на него.

— Я не собираюсь с вами спорить.

— Конечно. Когда речь заходит о ваших проблемах, вы сразу становитесь очень сдержанной.

Элеонора медленно повернулась.

— Что именно вы хотите сказать?

Натан пожал плечами.

— Ничего. Просто слышал, что у вас тоже были сложности с Эдвардом.

Она побледнела.

— Кто вам сказал?

— Новости читаю.

Элеонора посмотрела на него.

— Не путайте юридический спор с убийством.

Натан рассмеялся.

— Вот именно это я и пытаюсь объяснить всем с воскресенья!

Он сделал шаг ближе.

— Но когда речь обо мне, никто не слушает.

Адам, находившийся возле стойки, увидел, как оба начинают повышать голос.

Он подошёл.

— Прошу вас, не устраивайте спор в общем холле.

Натан повернулся.

— Мы просто разговариваем.

— Тогда продолжайте тише.

Элеонора посмотрела на него.

— Я закончила.

Она направилась к лестнице.

Натан проводил её взглядом.

Потом тихо сказал:

— Забавно.

Адам посмотрел на него.

— Что?

— Она обвиняла меня при всех. А теперь сама не хочет отвечать на вопросы.

— Вопросы по расследованию задаёт полиция.

Натан усмехнулся.

— Да. Вы это часто повторяете.

И ушёл.

Поздно вечером Сара снова просмотрела письма Элеоноры. Они подтверждали длительный конфликт, но ни одно не содержало угрозы убийством. Встречу возле библиотеки в субботу сотрудники подтверждали; дальнейший маршрут писательницы оставался неполным.

— Один человек видел её у административного коридора, — сказал Миллер. — Нора Финч. Время пока не уточняли.

Нору пригласили в малую библиотеку. Она помнила, что заметила Элеонору после ужина, когда занималась кухней. Та, кажется, направлялась к библиотеке. Было ли это до отмены кофейной сервировки, Нора сказать не могла; входа в кабинет и возвращения женщины она не видела.

— Простите, точнее не вспомню, — сказала Нора. — Она часто была раздражена, но ведь это ещё не преступление.

— Конечно, — ответила Сара, оставив в протоколе только факты наблюдения.

После её ухода Миллер спросил, можно ли считать версию против Элеоноры слабой.

— Пока нет, — сказала Сара. — У неё был настоящий конфликт, но для подозрения в убийстве нам необходимо установить действия, а не характер. Начнём с того, кто видел её после библиотеки.

В тот вечер Элеонора долго сидела в своём номере. Перед ней лежали «Тихая гавань» и телефон. Она несколько раз открывала переписку с сестрой, набирала сообщение и стирала его. В конце концов оставила два абзаца:

«Джоан, я знаю, что слишком долго откладывала этот разговор. Я не прошу тебя сейчас отвечать. Просто хочу, чтобы ты знала: я больше не собираюсь делать вид, что всё было правильно».

«Я готова обсудить переиздание на твоих условиях. Без Эдварда».

Элеонора нажала «Отправить» и положила телефон рядом с книгой. Ответа не было. Она открыла роман: сначала увидела собственное имя крупными буквами, затем, пролистав страницы, нашла карту и маленькую подпись Джоан.

Не всё в литературной карьере Элеоноры было чужим трудом; даже не большая часть. Но достаточно многое началось с помощи сестры, чтобы исчезновение её имени оказалось предательством.

За окном шёл дождь. Из коридора доносились редкие шаги, потом в гостинице постепенно погас свет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Человек между двумя минутами

Во вторник в девять утра Адам Уокер получил распоряжение не пропускать журналистов дальше вестибюля. В девять семнадцать один из них всё-таки поднялся на второй этаж, а ещё через шесть минут Адам обнаружил его перед номером Элеоноры Грей.

Мужчина в светлом пиджаке разговаривал по телефону, не понижая голоса:

— Да, я уже внутри. Нет, охранник ничего не заметил.

— Чем могу помочь? — спросил Адам, остановившись у двери 214.

Журналист оборвал разговор. При резком движении из-под пиджака выскользнул бейдж интернет-издания.

— Жду знакомую.

— Какую именно?

— Личный вопрос.

— Тогда задам служебный: вы зарегистрированы в гостинице?

— Разве для этого обязательно снимать номер?

— Чтобы пройти в гостевую часть — обязательно иметь разрешение. Прошу вас спуститься со мной.

Мужчина спрятал телефон. Улыбка у него была такая, будто они обсуждали не нарушение правил, а неудачную шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.